

Искусно сплетенная современная сказка.
The Times Magazine



В.К.
ЭНДРЮС

Хевен,
дочь
ангела

Роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Вирджиния Клео Эндрюс
Хевен, дочь ангела
Серия «Азбука-бестселлер»
Серия «Кастил», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182439

*Хевен, дочь ангела : роман / В. К. Эндрюс: АО „Издательство «Новости»”; Санкт-Петербург;
2015
ISBN 978-5-389-10429-7*

Аннотация

Хевен Ли – старшая из пяти детей семейства Кастил, живущего в убогой хижине в горах Западной Виргинии. Презираемая отцом и эксплуатируемая матерью, девочка находит утешение в любви к младшим братьям и сестрам. Накануне своего десятилетия Хевен узнает от бабушки, что ее настоящей матерью была красивая и богатая девушка, которая без памяти влюбилась в Люка Кастила. К несчастью, сразу после рождения Хевен она умерла, и отец не может простить этого девочке.

Через несколько лет, не выдержав нищеты и пренебрежения со стороны мужа, мачеха Хевен уезжает, бросив детей на произвол судьбы. Чтобы поправить свои дела, пришедшие в полный упадок из-за страсти к азартным играм, Люк Кастил придумывает гениальный, по его мнению, план: он начинает распродавать собственных детей богатым бездетным парам...

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Так мы жили	10
Школа и церковь	16
Логан Стоунуолл	27
Сара	39
Горький сезон	49
В тупике	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Вирджиния Эндрюс Хевен, дочь ангела

V.C.Andrews

HEAVEN

Copyright © 1985 by The Vanda General Partnership

All rights reserved

Originally published by Pocket Books, a Division of Simon and Schuster, Inc.

© Ю. Бехтин, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Бреду, Глену и Сюзанне и всем, кто голодал,
страдал, терпел лишения и выжил, чтобы победить*

Часть первая В Уиллисе

Пролог

Стоит подуть летнему ветру, как я слышу шепот цветов и шелест листвы в лесу и снова вижу порхающих птичек и резвящихся рыбок в воде. Но я сразу же вспоминаю и зиму, когда под порывами холодного ветра мечутся и стонут голые ветки деревьев и скребутся о стены домов-сараяшек, отчаянно цепляющихся за крутые склоны гор этой местности в Западной Виргинии, которую жители называют Уиллис.

Ветер в Уиллисе не просто дул – он так стонал и кричал, что люди с тревогой поглядывали наружу сквозь грязные стекла маленьких окон. Жизнь в здешних местах – это постоянная нервная встряска¹, особенно когда в тон ветру завывают волки или кричит рысь и все лесное зверье вырывается на простор. Здесь часто исчезала домашняя живность, а примерно раз в десять лет иной ребенок забредал куда-нибудь – только его и видели.

Особенно хорошо мне запомнилась холодная февральская ночь накануне моего десятилетия. Я лежала на продавленном тюфяке, брошенном на пол рядом с печкой, ворочаясь и вздрагивая всякий раз, как слышала волков, воющих на луну. Со сном мне не повезло: он был очень неглубоким, так что я просыпалась от малейшего шороха. К тому же в нашем домике, стоявшем на отшибе, любой звук усиливался. Бабушка с дедушкой храпели. Отец, придя домой пьяным, вечно натыкался на мебель и спящих на полу, пока замертво не валился на скрипящие пружины медной кровати. Мать просыпалась и начинала громко ругать его визгливым голосом за то, что отец опять засиделся в Уиннерроу, в своем «Ширлис плейс». В то время я и не подозревала, чем же этот «Ширлис плейс» так плох, коль всякий раз после отцовского похода туда возникает ссора.

Сквозь пол в нашей хижине, с зазорами в полдьюма между криво уложенными половицами, проникал не только холодный воздух – раздавалось похрюкивание спящих свиней, рычание собак, шипение и мяуканье кошек и другие звуки прочей живой твари, находившей себе приют под домом.

Вдруг до меня донесся звук совсем иного рода. Кто это двигался там, в темноте, едва озаряемый красноватым светом печи? Приглядевшись, я узнала бабушку. Сгорбившаяся, с распушенными седыми волосами, она была похожа на ведьму, неслышно крадущуюся среди поленьев. Исключено, чтобы она пробиралась к выходу по нужде. Ей единственной разрешалось пользоваться в таких случаях ночной вазой. Всем же остальным приходилось бежать ярдов за двести.

Бабушке было лет пятьдесят пять. Хронический артрит и тьма других неустановленных болезней превратили ее жизнь в сплошную муку, а из-за отсутствия большей части зубов она выглядела вдвое старше. В свое же время, как рассказывали те, чей возраст позволял им хорошо помнить ее, Энни Брэндиуайн была королевой красоты в здешних горах.

– Пойдем-ка, девочка, – хрипло прошептала бабушка, положив свою костлявую руку мне на плечо. – Будет тебе плакать по ночам. Думаю, когда ты узнаешь правду о себе, для тебя наступят новые времена. Пошли сходим с тобой кой-куда, пока твой папочка не проспался.

¹ Само название местности (Willies) в переводе с английского означает «нервное напряжение», «дрожь». – *Здесь и далее прим. перев.*

А вернемся, так к тому моменту, как он проснется и начнет махать кулаками, у тебя в душе будет утешение.

Она вздохнула, как ласковый южный ветер; ее волосы прошелестели, пощекотав мое лицо, словно мимо меня пролетел добрый дух.

– Ты хочешь сказать – пойдём на улицу? Бабушка, там же жуть как холодно, – ответила я ей, а сама тем временем уже влезала в изношенные ботинки Тома, великоватые для меня. – Мы ведь недалеко пойдём, да?

– Надо идти, – сказала бабушка. – Мне больно слышать, как мой Люк кричит на свою перворожденную. А еще хуже, у меня даже кровь стынет в жилах, когда и ты отвечаешь ему криком. Милая, ну зачем тебе отвечать ему?

– Ты же знаешь, папа не любит меня, – прошептала я. – Ну почему он невзлюбил меня? Через окно проникал лунный свет, и я различала родное, все в морщинах, лицо бабушки.

– Да-да, пора тебе все узнать, – пробурчала она как бы про себя, бросив при этом мне плотную черную шаль, которую связала сама, а другой такой же черной и тяжелой шалью стала укутывать свои худые и сутулые плечи.

Бабушка подвела меня к двери, приоткрыла ее, впустив в дом холодный воздух. В кровати за потрепанной блекло-красной занавеской мать с отцом заворчали, почувствовав холод.

– Давай-ка пройдемся туда, где лежит наша родня. Я уже много лет хотела поговорить с тобой. Сколько можно откладывать. Время бежит, потом будет поздно.

Мы с бабушкой двинулись в путь меж чернеющих сосен. Ночью на улице было страшно: холодно, снежно, темно. Река покрылась прочными нагромождениями льда. Вой волков раздавался все ближе.

– Да, Энни Брэндиуайн Кастил умеет хранить тайны, – промолвила бабушка как бы про себя. – Знаешь, это мало кому дается, мало таких, вроде меня... Ты слышишь меня, девочка, или нет?

– Как же я могу не слышать тебя, бабушка, если ты кричишь мне в самое ухо?

Она вела меня за руку. Мы уже удалились от дома на порядочное расстояние. Что мы потеряли в такую холодную зимнюю ночь? Бабушка собиралась поделиться со мной важной тайной, а почему именно со мной? Но я так ее любила, что была готова тащиться за ней куда угодно по этой скверной горной тропе. Казалось, мы прошли уже несколько миль – во тьме, в холоде, под зловещим светом луны.

Целью нашего похода бабушка избрала кладбище, холодное и жутковатое в бледно-голубом лунном свете. Ветер дул неистово, вырывая из-под платка ее тонкие седые волосы, которые путались с моими. Наконец она снова заговорила:

– Мне нечего тебе дать ценного, девочка, кроме того, что я тебе сейчас скажу.

– А дома ты не могла мне сказать?

– Нет, – усмехнулась бабушка, и я почувствовала ее взыгравшее упрямство, которое сидело в ней прочно, как старое дерево с разветвленными корнями. – Если бы я заговорила с тобой в доме, ты не обратила бы на это внимания. А вот здесь... здесь тебе это врежется в память.

Она пошарила глазами и остановила взгляд на аккуратном маленьком надгробном камне, потом костлявым пальцем указала на вырезанную на граните надпись. Я уперлась взглядом в надгробие, пытаюсь разобрать слова. Странная эта бабушка, и вздумалось же ей тащить меня среди ночи на кладбище, где, может быть, бродят тени мертвых и ищут живых людей, чтобы вселиться в них.

– Теперь ты простишь отца за то, что он такой, – многозначительно произнесла бабушка, обняв меня, чтобы нам было теплее. – Такой уж он теперь и другим быть не может.

Как солнце не может не вставать и не садиться, как вонючка не может не издавать противного запаха, как ты не можешь быть другой, а только такой, какая есть.

Да, ей легко было говорить. Старые люди не помнят, что такое молодость и страх.

– Пошли домой, – захныкала я, дрожа всем телом, и потянула бабушку за руку. – Я столько читала и слышала, что бывает на кладбищах после полуночи, да еще в полнолуние.

– Э-э-э, нашла чего бояться – мертвецов, которые не могут ни двигаться, ни говорить. – Она прижала меня к себе и велела посмотреть на узкую, утонувшую в снегу могильную плиту. – А теперь слушай и не перебивай, пока я не закончу. Я хочу рассказать тебе историю, от которой тебе станет лучше. Когда твой папа, глядя на тебя, злится, у него есть на это причины. На самом деле он не то чтобы не любит тебя. Когда мой Люк смотрит на тебя, он видит кого-то еще... У него, детка, на самом деле любящая душа, изнутри он хороший человек. У него была жена, которую он так любил, что, когда она умерла, чуть сам не отправился следом за ней. Они познакомились в Атланте. Ему было тогда семнадцать, а ей только четырнадцать и три дня – он сам мне потом говорил об этом. – Голос бабушки стал звучать приглушеннее. – Она была красивая, как ангелочек, и твой папа очень любил ее. Он так закружил ей голову, что она сбежала из дома в Бостоне в Техас. Она привезла с собой красивый чемодан, а в нем полно таких вещей, каких ты сроду не видела. Чего там только не было! Одежда, шелка, серебряные расчески, щетки, гребешки, серебряное зеркало, кольца, перстни, дорогие штуки для ушей. И вот она переселилась сюда... Конечно, сделала ошибку, что вышла замуж за человека, неровню себе... Но уж больно любила Люка.

– Бабушка, а я никогда и не слышала, что у папы была другая жена. Я думала, мама – первая и единственная.

– Тебе же сказано было помолчать. И дай мне закончить как умею... Значит, она была из богатой бостонской семьи. И вот приехала сюда жить с Люком, Тоби и мной. Я была не рада ей, вначале она мне не приглянулась. Я с самого начала знала, что она тут не выдержит, с самого начала знала. И мы, и горы, и наши трудности – это не для таких. Она думала, что у нас тут ванная есть, представь себе. И была поражена, когда узнала, что в туалет надо куда-то бежать и устраиваться там на доске с двумя дырками. Она уговорила Люка сделать ей маленький отдельный туалет; он покрасил его белой краской, она повесила там на гвоздь красивую свернутую бумагу и даже предлагала мне пользоваться этой розовой магазинной бумагой. Она называла свой домик «ванной». Когда Люк построил эту штуку, как она обнимала и целовала его за это!

– Ты хочешь сказать, что папа не говорил с ней так грубо, как с мамой?

– Помолчи, детка. Ты меня сбиваешь с мысли... Значит, она приехала и околдовала меня. Тоби, может, тоже. Она так старалась. Она помогала готовить, пыталась как-то украсить дом. Мы с Тоби отдали им свою кровать, так что они могли приняться за детей нормально, а не на полу. Она-то готова была спать на полу, но я этого не позволила. Все Кастилы сделаны в кроватях... Я думаю, что так оно правильно. Да... Помню, как она была счастлива, смеялась, когда узнала, что ждет ребенка. Ребенка моего Люка. До сих пор не могу успокоиться. Я всегда думала, что она уедет туда, откуда приехала. Но горы забрали ее к себе, горы так поступают с людьми тонкого склада. Но пока она жила здесь, Люк был счастлив. С тех пор я его таким больше не видела. – Бабушка внезапно замолкла.

– А как она умерла, бабушка? Это ее могила?

Она вздохнула и продолжила свой рассказ:

– Твоему папе было только восемнадцать, когда она ушла от нас. А ей было по-прежнему четырнадцать, когда папа похоронил ее в этой холодной земле и оставил одну в ночи. Он знал, что она мерзла без него холодными ночами, и первую ночь провел на могиле, чтобы согреть ее своим теплом. А ведь стоял февраль... Вот он, мой рассказ о той, которая приле-

тела в горы, как ангел, чтобы любить твоего папу, и жить с ним, и сделать его счастливым. Таким, каким он никогда раньше не был и, как я смотрю, никогда уже не будет.

– Бабушка, а зачем тебе надо было тащить меня сюда? Ты ведь могла рассказать все и дома. Пусть это очень печальная и трогательная история, но все же папа такой злой. Она, наверное, забрала с собой в могилу все хорошее в нем, а нам оставила только самое плохое. Почему она не научила его любить других? Бабушка, лучше бы ее никогда не было! Тогда папа любил бы маму и меня, а не ее.

– Ой! – Бабушка оцепенела. – Что с тобой, детка, что ты такое болтаешь! Ты не думаешь, что говоришь! Та девочка, которую папа звал своим ангелом, была твоей матерью! Это она родила тебя. Когда ты появилась на свет, она уже еле говорила... И только успела дать тебе имя – Хевен Ли. Ты ведь не можешь сказать, что не гордишься таким именем?² Все считают, оно идет тебе, так идет.

Я забыла о холодном ветре, забыла о волосах, опутавших мне лицо, забыла обо всем на свете, услышав известие о том, кто я и что я.

Когда луна выскользнула из-за темного облака, ее свет упал на надгробный камень, высветив надпись: «Ангел. Возлюбленная жена Томаса Люка Кастила».

Странное чувство охватило меня при виде этой надписи.

– А где папа нашел Сару? И почему так быстро?

Бабушка, словно желая излить все накопившееся у нее на сердце, вдруг заговорила быстрее:

– Ну, папе нужна была женщина, чтобы не спать в пустой постели. Потом, у мужчин есть некоторые желания, детка, физические потребности. Узнаешь, когда вырастешь. Ему нужна была жена, которая могла бы дать ему то, что давал ему его ангел. И Сара старалась, она была тебе хорошей матерью, ухаживала за тобой, любила тебя, относилась к тебе как к своей собственной дочери. Сара с радостью отдавала Люку свое тело, но не могла подарить той души, какая была у его ангела. Вот Люк и тоскует по женщине своей мечты. Он был раньше хорошим человеком, детка Хевен, хоть ты этому не веришь. О, в те дни, когда была жива твоя мама, он каждое утро садился в свой старенький пикап и ехал вниз, в Уиннерроу, где учился плотницкому делу – как строить дома и все такое. Люк приезжал домой, и все разговоры были о том, как он построит для нас новый дом внизу, в долине, как он будет там работать на земле, заведет коров, свиней, лошадей... Твой папа всегда любил живность. И сейчас любит, как и ты, детка Хевен. Это у тебя от него.

Мной овладели странные чувства, когда по возвращении домой бабушка извлекла из-под кучи всякого старья, коробок с нашей скудной и немудреной одеждой что-то завернутое в стеганое одеяло. Это оказался элегантный чемодан, каких здешние обитатели гор не могли себе позволить.

– Да, – тихо прошептала она, чтобы никто не проснулся и не стал свидетелем этого сугубо личного события. – Он принадлежал твоей маме. Я обещала ей, что передам тебе, когда придет время. Сегодня уж такая ночь, одно к одному... Смотри, девочка, смотри. Смотри, какая у тебя была мама.

Словно маму в каком-то сжатом виде можно было увидеть в этом чемодане!

Когда я заглянула внутрь, у меня перехватило дыхание.

Здесь лежали наикрасивейшие из тканей, которые я когда-либо видела. Даже в мечтах нельзя было представить, что существуют такие тонкие кружева... А на самом дне лежало нечто длинное, аккуратно завернутое в целую дюжину листов тонкой бумаги. Бабушка с напряжением вглядывалась в меня, словно хотела посмаковать мою реакцию.

² Сочетание двух имен – Хевен (Heaven – небеса) и Ли составляет слово «heavenly» – «небесная», «божественная». В этом и состояла причина собственной гордости героини, а также зависти и издевок со стороны других.

В отсвете пламени печи передо мной предстала кукла. Кукла? Вот уж что я меньше всего ожидала увидеть здесь. Я смотрела на куклу с серебристо-золотистыми волосами, собранными в красивую высокую прическу. На головку надета украшенная драгоценными камнями шляпка с тонкой, как паутинка, длинной свадебной вуалью, ниспадающей на плечи. Лицо куклы было удивительно прелестным – с красиво изогнутыми губками, причем выступ под ложбинкой верхней губы точно соответствовал изгибу нижней. Длинное платье сшито из белой кружевной ткани, богато отделанной жемчужинками и бисером. Кукла-невеста... Вуаль, белые кружева... Даже белые туфельки были сделаны из кружев и атласа, а прозрачные чулочки крепились к крошечному пояску – как я заметила, мельком заглянув под юбочку.

– Это она, твоя мама. Ангел Люка, которую звали Ли, – произнесла шепотом бабушка. – Вот так она выглядела, когда вышла за твоего папу и приехала сюда. Когда она умирала, то последними были слова: «Отдайте, что я привезла с собой, моей девочке...» И вот я делаю это.

Да, она сделала это.

И, поступив так, изменила ход моей жизни.

Так мы жили

Если Иисус почти две тысячи лет назад умер действительно за то, чтобы спасти людей от всего наихудшего в них самих, то в нашей местности спасение Ему не удалось. Исключение составляли воскресенья в промежутке с десяти до двенадцати утра. По крайней мере, я так считаю.

Но что значило мое мнение? Цена ему – что шелухе от лука. Я размышляла над тем, как мог папа жениться на Саре через два месяца после смерти мамы при родах, ведь он так любил своего ангела! А спустя четыре месяца после моего рождения и похорон мамы Сара родила сына.

Я была слишком маленькой, чтобы помнить рождение этого мальчика, которого назвали Томас Льюк Кастил Второй и поместили, как мне потом рассказывали, в одну колыбель со мной. Нас вместе качали, за обоими ухаживали, но любили по-разному – об этом мне можно было и не рассказывать.

Я любила Тома, с его рыжими волосами, доставшимися ему от Сары, живыми зелеными глазами, также унаследованными от матери. В нем мне ничто не напоминало папу, разве что рост – с возрастом Том стал очень высоким.

Услышав накануне своего десятилетия рассказ бабушки о своей настоящей матери, я твердо решила, что мое отношение к Тому останется, с Божьей помощью, неизменным. Как он верил, так пусть и продолжает верить, что Хевен Ли Кастил – его единокровная сестра, и никак не иначе. Мне хотелось сохранить то, что делало нас почти единым целым. Мы и думали с ним похоже, так как спали в одной колыбели и, будучи сосунками, молча общались друг с другом. Так что наши особые отношения имели для нас обоих большое значение. И мы не представляли их какими-то другими.

В Саре было шесть футов роста без обуви. Этакая амазонка, весьма подходящая для высокого и сильного мужчины, каким был отец. Сара не знала, что значит чувствовать себя плохо. По словам бабушки (Том иногда называл ее в шутку «устаи мудрости»), после рождения первенца грудь Сары приобрела зрелые очертания, но и в четырнадцать лет она выглядела вполне взрослой женщиной.

– О, даже после родов, – рассказывала бабушка, – Сара скоро начала вскакивать, доделывать неоконченную работу, будто не она только что пережила тот самый большой кошмар, который нам, женщинам, приходится безропотно выносить в этой жизни. Что ты, Сара могла одновременно и ребенка грудью кормить, и готовить еду. Я думаю, она притянула к себе твоего папу как раз своим крепким здоровьем. Вряд ли он обожал тип красоты, как у Сары, но, по крайней мере, она не была похожа на такую, что умрет при родах и снова оставит его горевать.

Через год после Тома появилась Фанни, с черными-пречерными волосами и синими глазами, ставшими черными еще на первом году ее жизни. Смуглая, она была похожа на индианку.

Через четыре года после сестры родился Кейт, которого назвали в честь давно умершего отца Сары. У Кейта были голубые глаза, чудесные бледно-золотистые волосы, и любила я его с колыбели, особенно когда выяснилось, что это очень спокойный, никому не доставлявший хлопот мальчик. Он не плакал, не кричал, ничего не требовал (в отличие от Фанни, которая так и осталась вечно всем недовольной). Потом вдруг голубые глаза Кейта стали цвета топаза, кожа приобрела персиково-кремовый оттенок, какой, по утверждению многих, был в свое время у меня. Хотя сама я этого не знала, потому что нечасто заглядывала в наше потрескавшееся и мутное зеркало.

Кейт рос на редкость милым мальчиком, его так тянуло к красоте, что, когда через год после него родился еще один ребенок, он мог буквально часами сидеть и смотреть на свою крохотную новорожденную сестренку – хорошенькую, как куколка. Сара позволила мне дать имя девочке, и она стала называться Джейн, потому что примерно в это время я увидела на обложке журнала какую-то Джейн, красивую до невозможности.

У младшей сестрички, к несчастью хворавшей с самого рождения, были нежные золотисто-рыжие волосы бледного оттенка, большущие глазищи зеленовато-голубого цвета, длинные темные загнутые ресницы, которыми она недовольно хлопала, лежа в кроватке и не сводя глаз с Кейта. Иногда Кейт протягивал руку к колыбели, чтобы покачать ее, и Джейн сразу улыбалась, да такой сладкой и обезоруживающей улыбкой, что все можно было отдать, только бы еще раз увидеть эту улыбку.

Джейн сразу стала главным лицом в семье. Заставить улыбаться было приятной обязанностью для всех нас. Особенно большую радость я испытывала, если мне удавалось прекратить ее плач (а плакала Джейн от болей, на которые не умела пожаловаться) и вызвать улыбку на ее ангельском личике. Но даже здесь, как везде и во всем, что мне нравилось, встревала Фанни, испортив мне удовольствие.

– Дай ее мне! – визгливо требовала Фанни, подбегая на своих длинных костлявых ножонках, и, стукнув меня, спешила в безопасный угол нашего грязного двора. – Это наша Джейн, а не твоя! И не Тома! И не Кейта! Наша! Все здесь наше, а не только твое, Хевен Ли Кастил!

И Джейн незаметно превратилась в «нашу Джейн», а потом все забыли, что когда-то у младшей сестренки, милой и хрупкой, было только одно имя.

Я понимала в именах и знала, что они могут сделать.

Мое собственное имя было одновременно и благословением и проклятием. Я пыталась заставить себя поверить, что такое возвышенное имя – все-таки благословение. Ну кого еще во всем огромном мире зовут Хевен Ли? «Никого, никого», – нашептывала синяя птица счастья, поселившаяся в моей голове. Она напевала мне перед сном и обещала, что все в конечном итоге обернется прекрасно, просто прекрасно... К несчастью, в моей голове давно гнездилась и черная ворона, а она каркала, что такое имя – это искушение судьбы и счастья не принесет.

Был еще отец.

В тайниках моей души иногда возникало сильное, не сравнимое ни с каким другим желание любить своего одинокого отца, который часто сидел, глядя в никуда, и казался человеком, обманутым жизнью. У него были иссиня-черные волосы, унаследованные от настоящего индейского предка, укравшего белую девушку и сделавшего ее своей женой. Глаза – такие же черные, как волосы, а кожа сохраняла бронзовый оттенок зимой и летом. Щетина на смуглом лице отца не выделялась так, как у других мужчин с темными волосами. У него были удивительно широкие плечи. И смотреть, как играют на теле отца мышцы – крупные, сильные, когда он рубит дрова во дворе, – было одно удовольствие! Даже Сара, занимаясь поблизости стиркой, поднимала голову от таза и смотрела на него с любовью и желанием. А меня занимал вопрос: почему отец внешне равнодушен к тому, любит его Сара или нет, и к тому, что она плачет и ругается, когда он приходит домой под утро?

Иногда, став свидетелем его меланхоличного, задумчивого настроения, я начинала сомневаться в правильности своих оценок. Как-то весной, мне было тогда тринадцать и я уже знала о своей настоящей матери, я стояла в комнате, скрытая темнотой, и рассматривала отца, ссутулившегося в кресле и глядящего в бесконечность, словно мечтающего о чем-то. Помню, мне очень хотелось дотронуться до его щеки – узнать, колючая ли она, я ведь никогда не касалась его лица. А что будет, если я осмелюсь? Ударит меня, закричит, обругает?

Несомненно, что-то в этом роде. И все же во мне сидело неутолимое желание проявить свою к нему любовь и быть любимой. Это желание доставляло мне боль, дожидаясь искры, чтобы вспыхнуть пламенем любви и почитания.

Если бы только отец взглянул на меня и жестом или словом дал понять, что любит меня хотя бы чуть-чуть!

Но он так и не взглянул, не заговорил и вообще вел себя так, будто меня там и не было.

А когда Фанни взлетела вверх по расшатанным ступенькам терраски и бросилась к нему на колени, громко крича, как она рада видеть его, отец поцеловал ее. У меня сердце заныло, когда я увидела, как он прижимает ее к себе и гладит ее длинные блестящие черные волосы.

– Фанни, девочка, как ты тут без меня?

– Скучала, папа! Не люблю, когда тебя нет дома. Здесь так плохо без тебя! Пожалуйста, побудь дома, не уходи!

– Моя сладкая, – тихо произнес он, – это так приятно, когда по тебе скучают. Может, поэтому я и отсутствую иногда.

О, какую же муку доставлял мне отец, когда гладил Фанни по голове, а меня не замечал! Но еще сильнее, чем от ударов и грубых слов, оказывалась боль от его вынужденных взглядов или ответов мне. Раз я нарочно вышла из тени на свет, прижимая к себе огромную корзину с бельем, которое только что сняла с веревок и сложила. На моем пути с ухмылкой появилась Фанни. Отец даже взглядом не показал, что он знает, как много я работаю, только уголок губы дрогнул. Я прошла мимо, не сказав ни слова, будто мы не виделись всего несколько минут, а не две недели. Мне было так же неприятно не замечать его, как и испытывать подобное на себе.

Фанни никогда не работала по дому. Только мы с Сарой. Бабушка лишь разговаривала, дедушка мастерил кое-что по дереву, отец приезжал и уезжал, когда ему вздумается. Он продавал спиртные напитки, изготовленные подпольными умельцами, а иногда и сам помогал делать их. Самое большое удовольствие он получал оттого, что ему удавалось обводить вокруг пальца агентов ФБР. Эта работа, по словам Сары, приносила отцу очень хорошие деньги. Но она очень боялась, что он когда-нибудь попадет в тюрьму. Нормальным производителям не очень-то нравилась конкуренция со стороны подпольных толкачей сверхкрепкого зелья. Отец часто отсутствовал неделю, а то и две, и, когда он был в отъезде, Сара позволяла себе ходить с грязной головой, а еду готовила хуже обычного. Но стоило отцу появиться в дверях, улыбнуться либо бросить приветствие, Сара оживлялась. Она начинала двигаться быстрее, тщательно мылась и надевала тут же лучшее платье (выбор у нее ограничивался тремя, и ни одно из них не было по-настоящему хорошим). Другим желанием Сары было сделать макияж и предстать перед мужем в зеленом шелковом платье под цвет ее глаз. Все свои надежды и мечты Сара связывала с тем днем, когда в ее жизнь войдет настоящая косметика и зеленое шелковое платье, которые помогут ей влюбить в себя папу так же сильно, как он любил ту несчастную девочку, ставшую моей матерью.

Наша ветхая горная хижина, стоящая под самым небом, была сделана из старого дерева, сучки которого во многих местах выпали, образовав отверстия. Внутри жилища проникали то холод, то жара, отравляя нам жизнь. Дом никогда не знал краски и не мог рассчитывать на нее в будущем. Крыша, сделанная из оцинкованной жести, проржавела задолго до моего рождения и пролила миллионы слез на старое дерево дома. Мы пользовались трубами и бочками, собирая дождевую воду, которую нагревали на чугунной печке, прозванной «старой дымилой», и мылись. Печь ужасно чадила, наполняя дом дымом, и мы вечно плакали и кашляли, сидя за закрытыми окнами и дверью.

К фасаду нашей хижины была пристроена традиционная терраса. Каждую весну бабушка и дедушка покидали дом и украшали пошатнувшуюся, осевшую террасу парой одинаковых кресел-качалок. Бабушка на крыльце вязала, вышивала, ткала, плела ковры, а дедушка строгал и пилит. Раньше дедушка иногда играл на скрипке на танцах, которые устраивались каждую неделю в местном амбаре. Но чем старее он становился, тем меньше ему нравилось играть на скрипке и все больше привлекала резьба по дереву.

Внутри дома находились две маленькие комнатки; выцветшие занавески создавали нечто вроде прозрачной двери в «спальню». Печка не только обогревала дом, на ней мы жарили, парили, пекли. Раз в неделю, перед тем как пойти в воскресенье в церковь, мы грели на печке воду и мылись.

Рядом со «старой дымилкой» стоял древний кухонный буфет с металлическими коробочками для муки, сахара, кофе и чая. Настоящего сахара и кофе с чаем мы не могли себе позволить и использовали их для хранения подливки и бисквитов. Когда безмерно везло, то нам перепадало меда, и мы ели с ним лесные ягоды. Когда же сходило невероятное благословение сверху, появлялась корова, а значит, молоко. Правда, у нас всегда были куры, утки, гуси, дававшие нам яйца и мясо по воскресеньям. Водились и свиньи, которые ютились под домом и будили нас своим страшным визгом. Внутри дома хозяевами были папины охотничьи собаки. В горах все хорошо понимали их ценность – постоянный приток мяса на стол, помимо домашней птицы.

Живности у нас была тьма, если считать бродячих кошек и собак, приносивших нам сотнями котят и щенков. В общем, наш грязный двор был полон. А кто еще, кроме них, мог бы жить среди мусора и шума в обществе Кастилов, низов горного общества?

В той комнате, что мы называли спальней, стояла большая медная кровать с промятым и запятнанным матрасом поверх спиральных пружин, которые издавали скрип. Активные действия на кровати сопровождалось громким и жутким их скрипом: занавески плохо заглушали звуки. В городе и в школе нас называли горными отбросами, горной грязью, мешками с мусором. Самым ласковым было слово «дикари». Из всех семейств, что жили в горных лачугах, ни одно так не презирали, как нас, Кастилов. И презирали, по какой-то неведомой мне причине, не только люди из долины, но и нам подобные. Может быть, потому, что пятеро из нашей семьи сидели по тюрьмам за большие и малые преступления. Чему же удивляться, что бабушка кричала по ночам, – все ее сыновья доставили столько горя! При ней остался лишь один сын – мой отец. Но принес ли он ей радость, я этого не знала, – во всяком случае, с ним она связывала все свои надежды на то, что в один прекрасный день Люк докажет миру: Кастилы не самые отвратительные люди в горах.

Я слышала, что есть в мире дети, которые не любят ходить в школу. Мне в это трудно поверить, потому что мы с Томом не могли дождаться понедельника, чтобы вырваться за пределы нашей крошечной хижины с ее двумя пропахшими и грязными комнатками и на время забыть дорогу в старый вонючий туалет на отшибе.

Наша школа была построена из красного кирпича и красовалась в самом центре Уиннерроу, ближайшего к нам городка в долине, в самом сердце Уиллиса. Мы ходили семь миль туда, семь миль обратно, не считая это за расстояние. Том неизменно шел рядом со мной, Фанни плелась за нами, злая, как десять гадюк. И глаза у нее были отцовские, и норы его же. Она выглядела хорошенькой, как картиночка, но была зла на весь мир из-за того, что ее семья, по словам Фанни, такая «задрипанная и бедная».

– ...Мы не живем в красивом покрашенном доме с настоящими ванными, как люди в Уиннерроу, – нудно жаловалась Фанни, и мы соглашались с ней от греха подальше. – Ванная внутри дома. Представляете? Я слышала, в некоторых домах есть по две, даже по три и в каждой бежит горячая и холодная вода – вы можете себе представить такое?

– Могу представить и еще многое другое, но не в Уиннерроу, – ответил Том, бросив камешек в реку.

Если бы мы не купались здесь летом, то были бы куда большими грязнулями. Река с ее запрудами, омутами, ключами помогала нам жить, скрашивая жизненные невзгоды, которые казались бы невыносимыми, не будь этой прохладной вкусной ключевой воды и излюбленных мест для купания, не хуже всяких городских бассейнов.

– Хевен, ты меня не слушаешь! – закричала Фанни, которой требовалось быть все время в центре внимания. – Да, еще вот что! У них на кухнях, в Уиннерроу, стоят двойные раковины, есть центральное отопление... Том, что такое «центральное отопление»?

– Фанни, у нас то же самое. «Старая дымила» стоит в центре дома и дает тепло.

– Том, – подала я голос, – я не думаю, что это и есть центральное отопление.

– А я считаю, что это именно оно.

Если я редко соглашалась с Фанни в чем-либо, то здесь я была солидарна с ней; действительно, было бы полным раем жить в крашеном доме из четырех или пяти комнат, иметь горячую и холодную воду – какую хочешь, стоит лишь повернуть ручку. И туалет со смывом.

Господи, размечтавшись о центральном отоплении, двойной раковине, туалете с водой, я поняла, насколько же мы бедно живем. Я не любила об этом думать, сразу становилось себя жалко, накатывали мысли о Кейте и Нашей Джейн. Хоть бы Фанни стирала собственные вещи – и то было бы полегче. Но она никогда ни за что не бралась, даже террасу не могла убрать. Ей нравилось подметать листву во дворе, но и то ради потехи, с грустью думала я. К тому же оттуда Фанни смотрела, как Том играет с друзьями в мяч. Работали же только, повторяю, мы с Сарой.

Бабушка свое отработала, чтобы теперь не вкалывать, как Сара. Ей и так досталось. Жизнь бросала бабушку с места на место, и она стремилась ничем не связывать себя, чтобы в любой момент сорваться налегке. Вот почему у нас было так мало мебели.

Как только я подросла, Сара научила меня многим работам по дому. Бабушка была слишком немощной, чтобы помогать, а Фанни вообще наотрез отказывалась делать хоть что-нибудь и в три года, и в четыре, и в пять. Я умела пеленать детей, кормить их, купать в металлическом тазике. К восьми годам я пекла, топила сало и делала подливу, смешивая муку с водой. Сара научила меня мыть окна и полы, пользоваться стиральной доской для стирки самых грязных вещей. Она и Тома приучила помогать мне по мере возможности, хотя другие мальчишки дразнили его «девчонкой» за то, что он занимается «женской работой». Если бы Том так не любил меня, он не стал бы этого делать.

Наступила неделя, когда отец проводил дома каждую ночь. Сара чувствовала себя счастливой, бродила, напевая что-нибудь, то и дело поглядывая на папу, словно он пришел ухаживать за ней, а не был ее мужем, уставшим на своей непростой работе. Может быть, где-то на пустынном шоссе агент ФБР уже поджидал Люка Кастила, готовый упрятать его в тюрьму к его братьям.

В один из этих дней я отстирывала во дворе на доске грязное белье, в то время как Фанни прыгала через веревочку, а отец рукой подавал на Тома бейсбольный мяч, биту он не брал с детства. Кейт и Наша Джейн вертелись возле меня, чтобы помочь развесить белье, но никто не мог дотянуться до веревки.

– Фанни, ты чего не поможешь Хевенли? – прикрикнул на сестру Том, бросив на меня сочувственный взгляд (он единственный сочетал мои имена в такой приятной форме).

– Не хочу! – капризно ответила Фанни.

– Пап, почему ты не заставишь Фанни помочь Хевенли?

Отец так швырнул мяч, что Том, чудом увернувшись, упал.

– Не лезь в женские дела! – грубо выговорил ему отец и недобро улыбнулся.

Потом он повернулся и пошел к дому, откуда донесся голос Сары, сзывавшей нас на ужин:

– Всем за стол!

Ощущая боль во всем теле, бабушка стала подниматься со своего кресла-качалки, с трудом встал и дедушка.

– Оказывается, старость еще хуже, чем я думала, – проворчала бабушка, поднявшись на ноги и стараясь добраться до стола, пока на нем еще что-то было.

Наша Джейн подбежала к бабушке, чтобы та взяла ее за руку. Это было то небольшое, что бабушка могла еще делать. Она снова проворчала:

– Вот и подумаешь, что смерть – это не так уж плохо, в конце концов.

– Хватит об этом! – взорвался отец. – Приезжаешь домой отдохнуть, получить удовольствие, а тут все о смерти да о смерти!

Не успели еще бабушка с дедушкой устроиться за столом, как отец уже разделался со своей едой, которую Сара готовила несколько часов, и вскочил из-за стола. Он впрыгнул в свой пикап и уехал бог знает куда.

Сара, надевшая новое платье, перешитое из старого, к которому она приделала новые рукава и карманчики из лоскутков, встала в дверях и начала тихо всхлипывать. Ее свежewe-мытые волосы пахли последними остатками сиреневого одеколona и отливали при свете луны рыжиной. И все-то зря! В «Ширлис плейс» девицы пахнут настоящими французскими духами, и макияж у них настоящий, а не рисовая пудра, которой Сара припудривала нос, чтобы не блестел.

Я твердо решила, что никогда не буду еще одной Сарой. Или еще одним ангелом, которого нашли в Атланте. Никогда. Ни в коем случае.

Школа и церковь

Утром нас разбудил петух – один на весь гарем из тридцати кур. Солнце в это время, словно роза из тумана, выглядывало краешком в восточной части неба. С криком петуха раздалось невнятное бормотание матери, заворочались бабушка с дедушкой, Наша Джейн начала плакать, потому что по утрам у нее всегда болел животик. Фанни, сев в постели и протирая рукой глаза, капризно объявила:

– Не пойду сегодня в школу.

Кейт немедленно вскочил и поскорее дал Нашей Джейн немного бисквита, чтобы успокоить боль в желудке от голода, досаждавшего ей куда больше, чем всем остальным. Затихнув, Наша Джейн села на тюфяк и начала клевать бисквит, а ее чудесные глазки поглядывали то на одного, то на другого в надежде получить молока, которое попозже она будет просить уже с плачем.

– Мама, ты слышишь? – раздался голос появившегося в двери Тома. – Коровы нет. Я встал пораньше, подоить, а ее нет.

– Вот проклятый Люк! – расстроилась Сара. – Знает ведь, что нам нельзя без молока, нельзя без коровы!

– Мама, может, папа не продал ее? Может, ее украли?

– Продал, – уверенно заявила Сара. – Вчера говорил, что надо продать. Иди, может быть, козу пригонишь.

– Молочка хочу, молочка! – заплакала Наша Джейн.

Я быстро подошла к ней и взяла на руки:

– Не плачь, маленькая. Не пройдет и десяти минут, как ты будешь пить вкусное свежее молочко, козочка даст.

Наш завтрак состоял из каждодневных горячих бисквитов, намазанных подливкой из сала. Сегодня была еще и овсянка. А Наша Джейн любила молоко – как ничто другое.

– Ну где оно, Хевли-и? – то и дело спрашивала она.

– Сейчас будет, – успокаивала я ее, надеясь и молясь, чтобы так оно и получилось.

Том обернулся за полчаса и принес ведро молока. Лицо его пылало, будто он долго бежал.

– Вот, Наша Джейн, возьми молочка, – с видом победителя сказал он, наливая ей молоко в стакан, а остальное перелил в кувшин, чтобы и Кейт мог полакомиться.

– Где ты взял? – спросила мама, подозрительно приносясь к молоку. – Эта коза теперь принадлежит Москиту, сам знаешь... А он ух какой жадный и злой.

– Раз он не знает, то ему и дела нет, – ответил Том, садясь и принимаясь за еду. – Если Нашей Джейн и Кейту нужно молоко, я готов украсть. А ты права, мама: наша корова пасется на лугу у Москита.

Сара бросила в мою сторону озабоченный взгляд:

– Ох, рискованное это дело. И папа, как всегда, запропастился.

Отец был у нас заядлым игроком, и, когда он проигрывал, проигрывали мы все, и не только корову. В течение последних нескольких недель с нашего двора постепенно исчезала птица. Я пыталась убедить себя, что все вернется, как только отец попадет в полосу везения.

– Пойду хоть яйца пособираю. – Сара направилась к двери, в то время как я готовилась идти в школу. – Пойду, пока он всех кур не продул. В один прекрасный день мы проснемся, а у нас ни яиц, ни кур – ничего!

Сара уже потеряла всякую веру, а мы с Томом все время надеялись, что наша жизнь каким-то манером образуется и мы заживем хорошо даже без этих коров, коз, кур и уток.

Казалось, что Наша Джейн никогда не подрастет и не пойдет с нами в школу в Уиннерроу. Наконец-то к этой осени ей исполнилось шесть, и она начала ходить в школу. Точнее, мы с Томом каждый день тащили ее туда в буквальном смысле. Мы крепко зажимали в ладони маленькую ручку Нашей Джейн так, чтобы она не вырвалась и не убежала домой. Я старалась двигаться быстрее, прибавляя шаг, а сестричка еле волочила ноги, всячески упираясь. Кейт подбадривал со словами: «Не так уж там и плохо, не так плохо» – это все, что он мог сказать хорошего о школе.

Где Нашей Джейн хотелось все время быть, так это дома, с Сарой и своей потрепанной куклой, из которой уже вылезла половина набивки. Девочка с самого начала возненавидела школу: за «твердые», по ее словам, сиденья без всяких подушечек, за то, что на уроках приходилось тихо сидеть и быть внимательной. Однако ей нравилось играть на школьном дворе с ровесниками. В школу Наша Джейн ходила с пропусками – из-за своего хрупкого здоровья, а также желая посидеть дома с мамой.

Наша Джейн росла милой и славной куколкой, но нервы могла потрепать. Взять, например, и выплюнуть невкусную еду. Помню, по дороге я стала ее ругать, боясь опоздать в школу (там все над нами смеялись: мол, мы не знаем, что такое часы и время), а Наша Джейн улыбнулась, протянула ко мне свои хрупкие ручки, и сразу все строгие слова примерзли к языку. Схватив ее, я стала осыпать милое личико сестрички поцелуями:

– Ну как, лучше, Наша Джейн?

– Да, – прошептала она в ответ слабеньким голоском. – Только я не люблю ходить. Ножки болят.

– Давай я подержу тебя, – предложил Том и протянул руки.

Даже Том – горластый, дерзкий, резкий, очень гордый тем, что он мальчик, – становился милым и нежным с Нашей Джейн. Определенно моя младшая сестренка была наделена даром прибирать к рукам сердца и не отдавать их обратно.

Том взял ее на руки и стал с любовью смотреть на славную мордашку.

– Ты прямо как куколка! – восхитился Том, прежде чем возвратить ее мне. – Знаешь, Хевенли, хоть папа и не может дарить вам с Фанни кукол на Рождество или дни рождения, все равно у вас есть кое-что получше – Наша Джейн.

Я не была с ним согласна. Куклу можно забросить и забыть, а Нашу Джейн не забудешь. И она следила за тем, чтобы ее не забывали.

Между Кейтом и Нашей Джейн сложились особые отношения, словно они тоже были «близнецами по духу». Сильный, здоровый Кейт бежал рядом с Томом в школу и с благоговением глядел на сестренку, которую брат нес на руках. Так же торопился он домой, когда она ждала его там. Наша Джейн сразу начинала улыбаться сквозь слезы, когда Кейт отдавал ей все, что бы она ни попросила у него, – игрушки, сладости, дорогие ему безделушки. Добрый Кейт делал это с радостью, никогда не жалуясь, хотя Тому излишняя щедрость брата не нравилась.

– Дурачок ты, Том, и ты, Кейт, – сказала как-то Фанни по дороге в школу. – Глупо тащить на себе девчонку, которая может так же прекрасно ходить, как и я.

Наша Джейн заплакала:

– Фанни не любит меня... Фанни не любит меня... Фанни не любит меня...

Причитания могли продолжаться всю дорогу, если бы Фанни с неохотой не забрала Нашу Джейн из рук Тома.

– Не так уж и плохо ты себя чувствуешь. Почему не хочешь ходить сама, Наша Джейн, скажи почему?

– Не хочу ходить, – хныкала девочка, обнимая Фанни за шею и целуя ее в щеку.

– Видите, – с гордостью заявила Фанни, – она меня любит больше всех... Не тебя, Хевен, и не тебя, Том... Ты ведь меня больше всех любишь, правда, Наша Джейн?

Сестричка, обведя растерянным взглядом Кейта, меня и Тома, зашумела:

– Опустит меня на землю! Пустит меня! Пустит!

И Фанни опустила ее прямо в грязную лужу! Наша Джейн запищала, стала плакать, а Том побежал за Фанни, чтобы хорошенько поддать ей. Я пыталась успокоить Нашу Джейн и тряпочкой, которую носила вместо носового платка, стала вытирать ее. Следом заплакал Кейт.

– Не плачь, Кейт, ей же не больно... Правда, маленькая? Видишь, вот ты и сухая. А Фанни сейчас попросит у тебя прощения... Но тебе действительно надо стараться ходить. Это пойдет на пользу твоим ножкам. А теперь возьми Кейта за руку, и мы с песней пойдем в школу.

Эти слова оказывали на нее магическое воздействие. Ходить она не любила, зато, как и мы, обожала петь. И вот втроем – Наша Джейн, Кейт и я – мы запели песню и прекратили пение только в школьном дворе, куда уже забежал Том, преследуя Фанни. Шестеро ребят, все старше и выше Тома, спрятали за собой смеющуюся, совершенно не чувствующую раскаяния Фанни. Хотя по ее милости лучшее школьное платье Нашей Джейн испачкалось и намочило, прилипнув к тоненьким ножкам.

Кейт терпеливо ждал нас, пока я пыталась подсушить ее платье, потом, насилу оторвав Кейта от Нашей Джейн, проводила его в класс. Затем уже отвела сестричку в отделение начальной школы. Сев за стол вместе с пятью своими ровесницами, она оказалась самой маленькой. Мне было неприятно сознавать, что все девочки одеты в более красивые платья, хотя ни у одной из них не было таких дивных волос и такой милой улыбки.

– До встречи, дорогая! – бодро крикнула я, и Наша Джейн печально посмотрела на меня в ответ огромными перепуганными глазами.

Том ждал меня возле классной комнаты мисс Дил, и мы вошли вместе. Буквально каждый ученик, повернувшись в нашу сторону, осмотрел нас с ног до головы. Их не интересовало, чисто или грязно мы одеты, – они хихикали, пренебрежительно разглядывая нас, потому что мы всегда ходили в одной и той же одежде и обуви. Стараясь не обращать внимания на смешки, мы прошли с Томом в конец класса.

Перед учениками сидела самая замечательная женщина в мире – именно такая, какой я мечтала стать, когда вырасту, и молилась за это. Когда все в классе повернулись, чтобы поиздеваться над нами, Марианна Дил подняла голову и улыбнулась мне и Тому в знак приветствия. Ее улыбка не смогла бы быть теплее, приди мы разодетые в роскошнейшие в мире наряды. Мисс Дил знала, что мы проделываем самый длинный путь в школу, да еще вместе с Кейтом и Нашей Джейн. В ее глазах мы могли прочесть миллион добрых слов. При другом учителе мы с Томом вряд ли прониклись бы такой любовью к школе. Это Марианна Дил смогла сделать наше пребывание здесь настоящим событием, заставив поверить, что полученные знания вытащат нас когда-нибудь из бедной горной хибары и поведут в большой и богатый мир.

Мы с Томом посмотрели друг на друга, взволнованные новой встречей с нашей чудесной учительницей, которая уже дала нам вкусить радость познания, привив любовь к чтению. Я сидела ближе к окну, потому что оно отвлекало Тома, хотя он был решительно настроен окончить среднюю школу и получить стипендию для учебы в колледже. Если нам с братом удастся окончить с хорошими отметками школу и попасть в колледж – тогда бы мы пробили себе дорогу в жизни. Так мы и запланировали. Я вздохнула: каждый день, когда нам удавалось пойти в школу, становился для нас очередной маленькой победой, приближавшей нас к нашим целям. Моей целью было стать учительницей – такой же, как мисс Дил.

Волосы у моего кумира были и по строению, и по цвету, как у Нашей Джейн, – нечто среднее между светлыми и бледно-рыжеватыми; глаза – ярко-голубые, а фигура – стройная и красивая. Мисс Дилл приехала сюда из Балтимора, и ее произношение отличалось от местного. Лично мне мисс Дил казалась самым совершенством.

Она оглядела класс, обратив внимание на свободные места, вздохнула и, встав, провела перекличку.

– А теперь все поднимемся и отдадим приветствие флагу, – обратилась она к классу. – И прежде чем снова сядем, произнесем про себя молитву благодарности за то, что мы живы, здоровы, молоды, и мир ждет, чтобы мы его открыли и сделали лучше.

О, если уж мисс Дил не знала, как правильно начать день, то, значит, никто этого не знал. Нам было достаточно увидеть ее и побыть рядом – и мы с Томом получали уверенность, что будущее поберегло для нас нечто особенное. Мисс Дил с уважением относилась к ученикам, даже к нам, в наших поношенных одеждах, но не давала послаблений там, где речь шла о порядке, чистоте и вежливости.

Вначале мы сдали домашние задания. Поскольку наши родители не могли позволить себе купить нам собственные учебники, нам приходилось пользоваться школьными и готовить уроки в школе. Иногда задавали помногу, и, когда дни становились короче, мы возвращались домой почти в темноте.

Я строчила в тетрадке как сумасшедшая, стараясь успеть списать с доски, когда возле моего стола остановилась мисс Дил и шепотом произнесла:

– Хевен, вы с Томом останьтесь, пожалуйста, после уроков. Мне надо кое о чем с вами поговорить.

– Мы что-нибудь не так сделали? – забеспокоилась я.

– Да нет, конечно нет. Ты всегда так спрашиваешь. Хевен, если я прошу вас с Томом остаться, это вовсе не значит, что я хочу сделать вам замечание.

Пожалуй, один-единственный раз мисс Дил была несколько разочарована нами, когда, беседуя, задавала вопросы о том, как мы живем. Мы с Томом сразу стали угрюмыми и тихими, старались выгородить мать с отцом и не хотели, чтобы мисс Дил знала, какие плохие у нас жилищные условия и какую жалкую пищу мы едим.

Самым неприятным временем в школе был для нас обед. Половина детей, живущих в долине, приносили с собой коричневые пакеты с едой, остальные обедали в кафетерии, и только мы, дети с гор, ничего не брали с собой, даже мелких денег, чтобы съесть бутерброд с сосиской и выпить кока-колы. У себя дома, в горах, мы завтракали на утренней заре, а второй, и последний, раз ели уже перед закатом, с тем и ложились спать. И никаких обедов.

– Как ты думаешь, чего она хочет? – спросил Том во время обеденного перерыва, перед тем как пойти поиграть в мяч, а я – попрыгать через скакалку.

– Не знаю.

После уроков мисс Дил была занята проверкой тетрадей. Мы стояли с Томом в коридоре и ждали, волнуясь за Кейта и Нашу Джейн, которые растеряются, не увидев нас после уроков.

– Поговори ты, – прошептал Том и побежал за Кейтом и Нашей Джейн.

На Фанни мы рассчитывать не могли.

Внезапно появилась мисс Дил:

– О, прости, Хевен. Давно здесь стоишь?

– Нет, только что, – соврала я. – А Том побежал за Нашей Джейн и Кейтом, чтобы привести сюда. Иначе они испугаются, если никто из нас не придет забрать их домой.

– А Фанни? Она вам не помогает?

– Да нет, – нерешительно стала объяснять я, пытаясь не бросать тень на Фанни: сестра все-таки. – Просто иногда она по рассеянности забывает.

Мисс Дил улыбнулась:

– Понимаю, вам далеко идти, так что не будем ждать Тома. Я разговаривала с членами совета школы о том, чтобы вам двоим давать учебники и книги домой. Но они непреклонны. Говорят, если у вас будут особые привилегии, то придется бесплатно выдавать книги всем подряд. Поэтому я хочу разрешить вам пользоваться моими учебниками.

Я в изумлении взглянула на нее:

– А вам они не нужны?

– Нет... У меня есть другие. С этого момента вы можете пользоваться ими и, пожалуйста, берите в библиотеке столько книг, сколько сможете прочесть за неделю. Разумеется, вы должны будете бережно относиться к ним, не пачкать и вовремя возвращать в библиотеку.

Я была настолько тронута, что, кажется, закричала:

– Сколько прочтем за неделю?! Мисс Дил, да у нас рук не хватит донести так много!

Она засмеялась, и – странное дело – у нее на глазах навернулись слезинки.

– Я предполагала, что ты скажешь нечто в этом роде. – Она взглянула на приближающегося Тома, который нес Нашу Джейн и вел за руку Кейта. – У тебя, Том, руки, кажется, заняты, и ты не сможешь нести домой книги.

Том удивленно посмотрел на мисс Дил:

– Вы хотите сказать, нам можно брать книги домой? Бесплатно?

– Да, Том, именно так. И возьмите несколько книг для Нашей Джейн и Кейта и даже Фанни.

– Фанни не станет читать, – сказал Том с горящими глазами. – Но мы-то с Хевен Ли обязательно будем!

В тот день мы взяли с собой пять книг для чтения и четыре учебника. Кейт взялся помочь с двумя книгами. Мы с Томом по очереди несли Нашу Джейн, когда она устала. Мне больно было смотреть, как она побледнела, сделав лишь несколько шагов в гору.

Сзади шла Фанни в сопровождении своих приятелей, которые роились вокруг нее, как пчелы вокруг сладкого цветка. У меня не было друзей, кроме преданного брата. Кейт держался еще дальше, ярдах в двадцати от Фанни и ее компании, наслаждаясь природой. Он любил запахи земли, свист ветра, шепот леса, но больше всего – животных. Я обернулась, чтобы приглядеть за ним, и крикнула:

– Кейт, прибавь шагу!

Но он был так поглощен разглядыванием коры дерева, что не сразу отреагировал на мой голос. Пробежав немного, Кейт снова остановился, аккуратно поднял с земли мертвую птичку и стал ее сочувственно рассматривать. Если бы мы его постоянно не окликали, он совсем отстал бы и потерялся. Увлекаясь своими наблюдениями, братик становился очень рассеянным.

– Что тяжелее, Том: книги или Наша Джейн? – спросила я, неся шесть книг.

– Книги, – тут же ответил он, спустив с рук хрупкую сестренку, и взял у меня книги, а я приняла на руки Нашу Джейн.

Наконец мы добрались до дому. В лачуге было полно дыма, так что у нас сразу покраснели глаза.

– Что будем делать, мама? – спросил Том Сару. – Наша Джейн так устает, а в школу ходить надо.

Сара внимательно посмотрела в глаза дочке, коснулась рукой ее бледного личика, потом, нежно подняв, перенесла ее в постель.

– Чего ей надо, так это врача, но у нас на них нет денег. Вот почему ваш папа меня так бесит. У него есть деньги на вино, на женщин, а вот на врача для своих родных – нет.

С какой горечью она это произнесла!

В ночь на воскресенье меня обычно посещал кошмар, один и тот же, так что я даже возненавидела эти ночи. Мне снилось, что я одна в нашей засыпанной снегом лачуге, совсем одна. И, просыпаясь, я каждый раз плакала.

– Все хорошо, – успокоил меня Том в одну из таких ночей, когда мне приснился мой кошмарный сон. Он перебрался со своего места на полу у печки поближе и обнял меня. – Я тоже время от времени вижу страшные сны. Не плачь, все мы здесь с тобой. Нам и пойти некуда, только в школу и обратно, в церковь и обратно. Хорошо бы не было этого «обратно», правда?

– Папа меня не любит, а вас любит – тебя, Фанни, Кейта и Нашу Джейн, – всхлипывала я и чувствовала себя еще более несчастной. – Я что, такая страшная, меня так трудно выносить, что ли, Том? За что папа меня не любит?

– Да нет. – Том насмешливо скривил губы. Он казался озадаченным. – Ему чего-то вроде волосы твои не нравятся – я слышал, он как-то матери говорил. А по-моему, у тебя красивые волосы, ей-богу, красивые. Не такие противно-рыжие, как у меня, и не такие бледные, как у Нашей Джейн. И не такие черные и прямые, как у Фанни. У тебя ангельский вид, хоть волосы и темные. Я думаю, ты самая симпатичная девочка в горах. И в Уиннерроу тоже.

В горах и в долине было много хорошеньких девочек. Я благодарно обняла Тома и отвернулась. Что он понимает в девичьей красоте? Я уже знала, что существует мир за пределами гор – огромный, чудесный, который я когда-нибудь увижу.

– Хорошо, что я не девочка, – потешался на другой день Том и покачивал головой, удивляясь сестре, которая может легко переходить от плача к смеху. – Надо же, стоит сказать глупый комплимент – и она уже счастлива!

– Значит, ты неискренне говорил вчера? – спросила я упавшим голосом. – Значит, я тебе не нравлюсь?

Он повернулся ко мне и сделал страшное лицо:

– Знаешь, ты так красива, как я сейчас, и я женился бы на тебе, став старше, если бы мог.

– Ты говоришь это, как только научился произносить слова.

– Эу, тебе-то откуда знать? – не поверил Том.

– Кстати, ты же знаешь, мисс Дил хочет, чтобы ты старался поправить свое произношение и говорить грамотно, без всяких там «эу». Учись говорить правильно.

– Зачем? – Зеленые глаза Тома озорно блеснули. Он вытащил из моего «конского хвоста» красную ленточку, и волосы рассыпались на ветру. – Кому тут в горах нужны мои грамматика и дикция? Ни маме, ни папе – никому. Только тебе да мисс Дил.

– А кого ты больше всех любишь в мире? – спросила я.

– Прежде всего тебя, на втором месте – мисс Дил, – со смехом произнес Том. – Но ты не можешь быть мне женой, значит я беру курс на мисс Дил. Я попрошу Бога, чтобы она подождала прибавлять в возрасте и терять красоту, а я догоню ее и женюсь, и она перечитает мне все книги в мире.

– Ты будешь читать свои собственные книги, Томас Люк Кастил!

– Послушай, Хевенли, – ответил Том, – в школе поговаривают, будто ты знаешь очень много для своего возраста. Мне столько же лет, но я знаю меньше тебя. Как это так?

– Я получила «А», а ты «В» и «С»³, потому что любишь иногда прогулять, а я этого совсем не делаю.

Том стремился к знаниям не меньше меня, но время от времени ему приходилось либо быть похожим на своих сверстников, либо каждый день драться с ними, иначе те стали бы дразнить его паинькой и любимчиком. Когда брат приходил домой из леса или с реки после

³ Система школьных оценок, высшей из которых соответствует буква «А».

своих прогулов, то работал с удвоенной энергией, просиживая над книгами, которые нам давала мисс Дил.

В минуты, когда моя гордость и самолюбие уязвлены, я всякий раз вспоминаю слова, сказанные мисс Дил: «Знайте, что вы с Томом – мои лучшие ученики. С такими, как вы, учитель связывает свои надежды».

В тот день, когда мисс Дил дала домой книги, она открыла нам многообразный мир.

Вручив нам свои любимые книги, классику, она словно одарила нас сокровищами. «Алиса в Стране чудес», «Алиса в Зазеркалье», «Моби Дик» и три романа Джейн Остин, но это чтение было исключительно для меня. В следующие дни подобрал себе книги и Том – серию для мальчиков. И когда я подумала, что он ограничится развлекательной литературой, Том выбрал толстый том Шекспира.

Голубые глаза мисс Дил засияли.

– Ты, Том, случайно, не собираешься в один прекрасный день стать писателем?

– Я пока не знаю, кем я хочу стать, – ответил Том, стараясь выдерживать произношение и нервничая, как это обычно с ним бывало при людях образованных и красивых, вроде мисс Марианны Дил. – То вроде хочу быть пилотом, а на другой день – юристом, так что в какой-то день мне, может быть, захочется быть президентом.

– Президентом нашей страны или какой-нибудь компании?

Том, вспыхнув, опустил глаза и уставился на свои ботинки, в волнении переступая с ноги на ногу. Ботинки были ужасные – слишком большие, слишком немодные и поношенные.

– Я думаю, «президент Кастил» немножко глупо звучит, правда?

– Нет, – ответила мисс Дил серьезным тоном. – Я думаю, это звучит прекрасно. Тебе нужно настроиться на то, кем ты хочешь быть, и соответственно распоряжаться своим временем. Если работать во имя достижения цели и с самого начала понять: ничто важное не достается легко, и продолжать двигаться к цели, то, без сомнения, достигнешь ее, какой бы она трудной ни была.

Благодаря щедрости мисс Марианны Дил (как мы узнали позже, она вложила собственные деньги, чтобы мы могли беспрепятственно брать книги домой) мы стали путешественниками, побывали в Египте и Индии. Жили во дворцах и бродили по узким и кривым лондонским улочкам. Нам с Томом даже казалось, что если вдруг мы когда-нибудь очутимся в чужой стране, то не почувствуем себя иностранцами. Ведь мы уже побывали там вместе с героями книг.

Я любила исторические романы, в которых прошлое оживало лучше, чем в учебниках истории. Пока я не прочла роман о Джордже Вашингтоне, то представляла себе президента человеком скучным, невыразительным. Я и подумать не могла, что он когда-то был молодым, весьма красивым и привлекательным для девушек.

Читала я романы Виктора Гюго и Александра Дюма, нас захватывали приключения героев книг, и даже не верилось, что такое возможно. Мы читали как классическую литературу, так и всякую чепуху, все подряд, лишь бы унести за пределы нашей забытой богом лачуги. Если бы у нас было кино, собственный телевизор или другие развлечения, может, мы и не привязались бы к этим книгам. А может, причиной была хитрость мисс Дил, очень умно «разрешившей» нам брать домой ценные и дорогостоящие книги, которые другие дети, по ее словам, не оценили бы так, как мы.

И это было вполне правильно. Мы даже начинали читать книги только после мытья рук.

Я подозревала, что наш отец нравится мисс Марианне Дил. Ей-богу, ей следовало бы иметь получше вкус. Как говорила бабушка, его ангел научил папу правильному англий-

скому, и при папиной хорошей внешности многие женщины из аристократических слоев поддавались очарованию Люка Кастила, когда он хотел быть очаровательным.

Каждое воскресенье отец ходил с нами в церковь, садился там вместе со своей большой семьей рядом с Сарой. Маленькая и изящная мисс Дил с чопорным видом устраивалась через проход между рядами и поглядывала на папу. Я допускала, что ей нравилась его смуглая внешность, но мисс Дил могла догадаться, что отец был человеком малообразованным. Как я слышала от бабушки, он ушел из школы, не закончив пятого класса.

Когда у тебя нет приличной одежды, кажется, что воскресенья следуют одно за другим слишком часто. Каждый раз я надеялась, что уже к следующему «выходу в свет» у меня будет новое платье, однако на это не приходилось рассчитывать, так как у Сары не хватало денег на многие другие нужды. И в очередное воскресенье мы снова были в последнем ряду в нашем «выходном» тряпье – одежде, которую другие давно бы выкинули. Мы стояли и пели вместе с самыми видными и богатыми людьми Уиннерроу, вместе с другими жителями гор, одетыми не лучше, а то и хуже нас, для которых посещение церкви означало праздник.

Надо было верить в Бога, без этого ты чувствовал себя обделенным.

В то воскресенье мы стояли с Нашей Джейн возле аптеки, неподалеку от места, где отец поставил свой пикап, и я следила, чтобы сестра не испачкалась мороженым (мисс Дил купила всем детям Кастилов по «рожку»). В десяти ярдах от нас мама и папа громко ссорились, а это означало, что в любой момент кто-то кого-то может стукнуть. Я не находила себе места от стыда и мечтала о том, чтобы мисс Дил прошла мимо или смотрела в другую сторону, но она остановилась как вкопанная, прислушиваясь к скандалу.

Интересно, о чем она думала? Но мне этого не дано было знать.

Не проходило недели, чтобы мисс Дил не написала отцу какую-нибудь записку, касающуюся Тома или меня. Отец почти не бывал дома, но даже в редкие «присутственные» дни он не мог прочесть ее аккуратного мелкого почерка. А если бы мог, вряд ли бы на послания отвечал. В последнюю неделю мисс Дил написала:

Уважаемый мистер Кастил! Вы должны гордиться Томом и Хевен, моими лучшими учениками. Я бы очень хотела в удобное для нас обоих время встретиться с Вами и обсудить вопрос о перспективе получения ими стипендии для учебы в колледже.

*Искренне Ваша,
Марианна Дил.*

На следующий же день она спросила меня:

– Хевен, ты передала записку отцу? Он никак не может быть таким неучтивым и не ответить мне. Такой симпатичный человек. Ты, должно быть, обожаешь его.

– Как же мне не обожать его, – с усмешкой ответила я. – Его чуть-чуть подправить – и в музей. В Смитсоновский, самое место. Пещера, он с дубинкой, и рыжая женщина у его ног.

Прищуриив свои голубые глаза, мисс Дил с каким-то странным выражением посмотрела на меня:

– Хевен, ты меня убиваешь, ей-богу, убиваешь. Ты что, не любишь своего отца?

– Я просто обожаю его, мисс Дил, ну просто обожаю. Особенно когда он возвращается из своего «Ширлис плейс».

– Хевен! Ты не должна так говорить. Что ты можешь знать о заведении с такой сла... – Она осеклась в растерянности и, опустив глаза, спросила: – Он что, действительно ходит туда?

– При любой возможности, по словам мамы.

В следующее воскресенье мисс Дил уже не смотрела на отца с восхищением. Более того, она вообще ни разу не взглянула в его сторону.

Но хотя мой отец и лишился расположения мисс Дил, она все равно ждала нас всех пятерых в аптеке, пока мать с отцом болтали со своими знакомыми с гор. Наша Джейн подбежала к мисс Дил, широко раскрыв руки, и вцепилась в ее красивую голубую юбку.

– Вот и я! – в радостном возбуждении кричала она. – К мороженому готова!

– Как некрасиво, Наша Джейн, – тут же одернула я ее. – Ты должна подождать, пока мисс Дил сама не предложит тебе мороженого.

Наша Джейн обиженно надула губки, Фанни тоже. Обе просительно, как собачки, не спускали глаз с учительницы.

– Все нормально, Хевен, все нормально, – произнесла мисс Дил с улыбкой. – А ты думаешь, зачем я сюда пришла? Я и сама люблю «рожки», но не люблю их есть в одиночку. Так что пойдете, выбирайте, какие вы хотите попробовать на этой неделе.

Заметно было, что мисс Дил жалела нас и ей хотелось хоть как-то проявить заботу, хотя бы по воскресеньям. В какой-то мере это было неправильно с обеих сторон. Конечно, мы очень нуждались в заботе, но надо же иметь и гордость. Однако время от времени гордость отступала, когда предстояло выбрать между шоколадным, ванильным или земляничным наполнителем. Бог его знает на сколько затягивался бы выбор, если бы ассортимент был пошире.

В этот раз Том сразу выбрал ванильное мороженое, я без труда назвала шоколадное, Фанни захотела бы земляничное, шоколадное и ванильное сразу. Кейт выбирал то, что выберет Наша Джейн, а та никак не могла решиться. Она смотрела то на продавца, то в задумчивости переводила глаза на банки с дешевыми карамельками, потом на мальчика и девочку, сидящих за столиком и поедающих мороженое, и все колебалась.

– Вы посмотрите на нее, – произнесла шепотом Фанни, – не может решить, потому что хочет всего сразу. Мисс Дил, не покупайте ей все – ну, если только и нам тоже...

– Почему же... Конечно, я возьму Нашей Джейн все, что она пожелает. Ты осилишь тройную порцию? Ну и прекрасно. И шоколадку под конец, и пакетик конфет для всех вас возьмите домой. Еще что-нибудь хотите?

Фанни уже открыла было рот, готовая приступить к перечислению наших запросов, но я быстро вмешалась:

– И так уже очень много, мисс Дил. Возьмите Нашей Джейн ванильное и шоколадку, они с Кейтом разделят. Ей и с одной порцией не управиться, иначе у нее мороженое потечет из ушей. Так что этого больше чем достаточно. А дома у нас всего хватает.

Ну и рожу состроила Фанни за спиной мисс Дил. Она мычала и сопротивлялась, когда Том зажал ей рот ладонью.

– Я хочу как-нибудь пригласить всех вас пообедать со мной, – как бы невзначай сказала мисс Дил после короткого молчания, пока мы наблюдали за Нашей Джейн и Кейтом, с такой жадностью набросившимися на мороженое, что можно было заплакать, глядя на них. Чему же удивляться, что они любили воскресенья: в этот день они получали ту единственную заботу, которую только и успели познать за свою жизнь.

Едва мы покончили с нашими «рожками», как в дверях аптеки появились мать с отцом.

– Пошли, – позвал нас отец. – Мы едем домой. Если, конечно, вы не хотите топтать пешком.

Потом он стал внимательно наблюдать за мисс Дил, которая принялась торопливо покупать карамельки, а Наша Джейн и Фанни с важным видом выбирали то одни, то другие. Отец решительным шагом подошел к нам. На нем был кремовый костюм, который, по рас-

скажам бабушки, моя мама купила ему во время их медового месяца в Атланте. Если бы я не знала отца, то в этом костюме вполне могла бы принять его за образованного джентльмена – так здорово он в нем выглядел.

– А вы, должно быть, та самая учительница, о которой мои дети то и дело говорят, – протянул ей руку отец, но мисс Дил даже отшатнулась, словно моя информация о его походах в «Ширлис плейс» начисто убила в ней всякое почтение к этому человеку.

– Ваши старшие сын и дочь – мои лучшие ученики, – холодно произнесла мисс Дил. – Вы должны знать об этом, поскольку я неоднократно писала вам. – Про Фанни, Кейта и Нашу Джейн она ничего не сказала, так как не вела у них занятий. – Думаю, вы гордитесь Хевен и Томом.

Отец ошалело посмотрел на Тома, потом с таким же выражением лица бросил взгляд в мою сторону. Целых два года мисс Дил писала ему записки о том, какие мы умные дети. Руководство школы в Уиннерроу весьма одобряло то, что мисс Дил делает для детей из горных бедняцких селений (некоторые в школе считали их умственно отсталыми), и позволяло ей вести с ними из класса в класс занятия по расширенной программе.

– О, в такой прекрасный день приятно услышать столь добрую весть, – произнес отец, пытаясь поймать ее взгляд. Но мисс Дил даже не посмотрела на него, словно боялась, что не сможет отвести глаз. – Я всегда и сам хотел получить среднее образование, но у меня не оказалось такой возможности, – старательно выговаривал слова отец.

– Пап, – решила я вмешаться и громко подала голос, – мы хотим идти домой пешком, так что вы с мамой можете оставить нас и ехать.

– Не хочу пешком! – тут же захныкала Наша Джейн. – Хочу на машине!

Сара стояла в дверях, глаза ее подозрительно прищурились. Отец слегка поклонился нашей учительнице:

– Рад был познакомиться с вами, мисс Дил.

Пригнувшись, он посадил на одну руку Джейн, на другую Кейта, а затем широким шагом направился к выходу, всем своим видом показывая присутствующим: вот он, мол, единственный из Кастилов – такой очаровательный и воспитанный, каких свет не знал. В этот момент в аптеке не нашлось бы ни одного закрытого рта – все смотрели на отца как на какое-то невероятное чудо.

И снова, несмотря на все рассказанное мною, в доверчивых небесно-голубых глазах моей учительницы вспыхнул огонек восхищения.

Это был редкий по красоте воскресный день. Над нами порхали птички, мягко падали осенние листья. Я, как и Кейт, оказалась замороженной окружающей природой и почти не слышала, о чем говорили Том с Фанни, пока с удивлением не заметила широко раскрытые темные глаза сестры.

– Нет, неправда, ты врешь! Этот симпатичный мальчик смотрел вовсе не на Хевен, а на меня!

– Какой мальчик? – удивилась я.

– Сын нового аптекаря, он недавно появился, – пояснил мне Том. – Там фамилия висела, ты не обратила внимания – Стоунолл? Этот парень был в аптеке, когда мисс Дил покупала нам мороженое. Клянусь, он положил на тебя глаз, Хевенли, это точно.

– Врун! – закричала на него Фанни. – Никто на Хевен и не смотрит, когда я рядом!

Мы с Томом не обращали внимания на визгливый крик Фанни.

– Слышал, он завтра придет в нашу школу. Ну, я тебе скажу, он так еще смотрел на тебя... – продолжал Том, и в его голосе я уловила нотки расстройства. – Чувствую, что возненавижу этот день. Возьмет он тебя замуж, и не будет тебя с нами.

– Мы всегда будем вместе, – мгновенно отреагировала я. – Никакой парень не убедит меня, что нужен мне больше, чем образование.

А в ту ночь, свернувшись клубочком в своей постели возле «старой дымилы», я вглядывалась в сумрак и выбирала место, где бы на гвоздь я могла повесить новое, с иголки, никем до меня не ношенное красивое голубое платье. Со свойственной молодости глупостью я верила: надень я красивое платье – и мир вокруг меня преобразится чудесным образом. Проснулась я уверенная, что больше всего в жизни сейчас хочу новое платье. И еще я задавалась вопросом, буду ли нравиться тому новенькому, если у меня вообще никогда не будет новой одежды.

Логан Стоунуолл

В понедельник утром, не успели мы с Томом, Фанни, Нашей Джейн и Кейтом войти в школьный двор, как Том уже показывал мне нового мальчика, который будто бы не сводил с меня глаз в аптеке. Когда я повернулась в сторону спортплощадки, где мальчишки уже затеяли игру, у меня перехватило дыхание. Он стоял отдельно от других, этот новенький, и был одет получше ребят из долины. Утреннее солнце светило ему в спину, и по краю его темных волос горел яркий ореол. Лица я видеть не могла, так как оно было в тени, но уже по осанке – высокий, прямой, не сутулящийся, как некоторые местные мальчишки, стесняющиеся своего роста, – я поняла, что он мне понравился с первого взгляда. Конечно, это глупо, чтобы так сразу понравился совершенно незнакомый мальчик лишь из-за его определенной уверенности в себе (но не самоуверенности), внешней силы и манеры держаться. Но, взглянув на Тома, я сразу поняла, почему это произошло. Логан, как и Том, был одарен природной привлекательностью и естественностью манер, которые происходили от понимания того, кто ты и что ты. Я снова взглянула на Тома. Как он может с такой гордостью вышагивать рядом со мной, когда он Кастил?

Я очень хотела бы обладать его манерой держаться, его уверенностью в себе, его умением принимать непростые жизненные обстоятельства. И могла бы, будь у меня отцовская любовь, как у него.

– Он снова смотрит на тебя, – больно толкнув меня локтем, прошептал Том, чем вызвал визгливый, слишком громкий крик Фанни:

– Он не на Хевен смотрит, а на меня!

Мне стало снова стыдно за Фанни. Но если этот новенький и слышал, то не подал виду. Он продолжал стоять, выделяясь, как рождественская елка, одетый в серые, тщательно выглаженные фланелевые брюки, белую рубашку, ярко-зеленый пуловер и серо-зеленый галстук в полоску. Ботинки его блестели. Все местные мальчишки носили джинсы, вязаный верх и обувь спортивного типа. Никто не приходил в школу таким наряженным, как Логан Стоунуолл.

Смотрел ли он на нас? Должно быть, смотрел, потому что, к моему ужасу, он внезапно направился в нашу сторону! Ну что я могу сказать такому нарядному парню? Мне захотелось провалиться сквозь землю. С каждым шагом он приближался, и я уже заметно паниковала, явно не готовая встретиться с человеком, у которого есть фланелевые брюки. Я бы вообще не знала, что существует такая ткань, если бы однажды мисс Дил не пришла в школу в костюме из фланели (потом она понемногу стала просвещать меня по этой части). Попытавшись улизнуть в сторону вместе с Кейтом и Нашей Джейн, пока Логан не успел заметить моей поношенной, блеклой одежды и потертых, почти лишенных подметок туфель, я услышала хныканье Нашей Джейн:

– Мне нехорошо, хочу домой, Хевли.

– Опять? Никаких «домой». Ты никогда не закончишь и начальной школы, если все время будешь болеть и сидеть дома, – шепотом наставляла я ее. – Может быть, в обед я сумею принести вам с Кейтом сэндвич и молока.

При мысли о половинке сэндвича с тунцом довольный Кейт запел песенку про рыбу тунца, а Наша Джейн, бросив мою руку, засемила в свой класс, в котором всем начинающим, казалось, было весело. Но только не Нашей Джейн.

Я поспешила за двумя своими подопечными, но Логан Стоунуолл опередил меня. Через некоторое время он уже здоровался за руку с Томом. Логан был тем внешне привлекательным мальчиком, каких изображают в книгах и журналах. Чувствовалось, многие годы он провел в интеллигентной среде, что придавало его внешности породистость, которой

были лишены все мы в здешних горах. Тонкий прямой нос, нижняя губа более утолщенная и выгнутая, чем верхняя, и с расстояния в шесть футов я четко видела, как его синие глаза тепло улыбаются мне. У Логана был мощный квадратный подбородок, а ямочка на левой щеке то появлялась при улыбке, то исчезала. Его уверенная манера держаться вызывала у меня растерянность, и я боялась, что скажу или сделаю что-нибудь не то и тогда он отвернется от меня к Фанни, которой прощаются все ошибки. К Фанни мальчики вечно липнут.

– Привет, новенький, – поприветствовала его с широкой улыбкой Фанни, опередив меня. Она никогда не берет на себя труд развести Кейта и Нашу Джейн по классам. – Ты самый симпатичный мальчик, каких я только видывала.

– Это Фанни, моя сестра, – пояснил Том.

– Привет, Фанни, – ответил Логан, скользнув по Фанни глазами и дожидаясь, когда Том представит меня.

– А это моя сестра Хевен Ли. – И столько гордости прозвучало в словах брата! Будто он не видел моего жалкого облачения и не знал, что мне стыдно ходить в таких туфлях. – А вон та маленькая девочка, которая высунула нос из двери, моя младшая сестренка, мы зовем ее Нашей Джейн, а через коридор – видишь того рыжеватого, который смотрит на нас и улыбается, – мой брат Кейт. Иди сядь на место, Кейт. И ты, Наша Джейн, тоже.

Как это удавалось Тому вести себя так естественно с этим до мозга костей городским и хорошо одетым парнем? Я дрожала от волнения под взглядом его улыбающихся сапфировых глаз. Такого со мной еще не случилось...

– Какое чудесное имя, – произнес Логан Стоунуолл, и наши глаза встретились. – Оно тебе очень идет. Мне кажется, я никогда не встречал таких голубых глаз.

– А у меня черные глаза, – вылезла вперед Фанни, загораживая меня. – У многих такие глаза, как у Хевен. А мне больше нравятся синие, как у тебя.

– Мисс Дил говорит, что у Хевенли васильковые глаза, – с явной гордостью сообщил Том. – Тут в десятке миль в округе не найдешь глаз такого оттенка, я их называю небесно-голубыми.

– Ты, похоже, прав, – тихо произнес Логан Стоунуолл, не отрывая от меня взгляда.

Мне было только тринадцать, а ему вряд ли больше пятнадцати, максимум шестнадцать лет, но, когда наши взгляды встретились, будто раздался звон колокола, и казалось, что его эхо будет звучать всю нашу оставшуюся жизнь. Но это оказался всего-навсего сигнал к началу уроков.

От необходимости что-либо отвечать меня спасла начавшаяся беготня детей, которые торопились разбежаться по классам и занять места до прихода учителей. Том засмеялся, направившись к своему столу.

– Хевенли, я никогда не видел на твоем лице столько оттенков красного цвета. Логан Стоунуолл – просто один из ребят. Он одет и выглядит лучше, чем большинство, но все-таки Логан такой же, как и все.

Том не мог чувствовать того, что чувствовала я, и все-таки, прищутив глаза, он как-то странно стал приглядываться ко мне, пока наконец не отвернулся и не склонил голову, читая молитву. То же сделала и я.

Пришла мисс Дил. В раздумьях, что же скажу Логану, когда увижусь с ним в следующий раз, я не заметила, как подошло обеденное время. Надо было сдержать обещание насчет сэндвича и молока. Я сидела за столом, когда другие убежали обедать. Мисс Дил подняла голову:

– Хевен, ты хочешь мне что-то сказать?

Я подумала было попросить насчет сэндвича для Кейта и Нашей Джейн, но язык как-то не поворачивался. Я встала и с улыбкой поспешила из класса в коридор, не поднимая

головы и моля Бога о том, чтобы на полу оказалась двадцатипятицентовая монетка. И в этот момент в поле моего зрения попали серые ботинки Логана.

– Я ждал, когда вы с Томом выйдете. – Голос его звучал искренне, а глаза улыбались. – Вы не пообедаете со мной?

– Я никогда не обедаю.

Мой ответ поверг его в раздумье, он нахмурился:

– Ну как же, ведь все обедают. Так что пойдем съедим по гамбургеру, жаркому, выпьем по коктейлю.

Выходит, он предлагал заплатить и за мой обед? Во мне взыграла гордость.

– Во время обеда я должна присматривать за Нашей Джейн и Кейтом...

– О'кей, их я тоже приглашаю, – как бы между прочим согласился Логан. – И Тома с Фанни, если ты беспокоишься о них.

– Мы не можем позволить себе, чтобы платили за наш обед.

Секунду-другую он не знал, что сказать. Потом бросил на меня быстрый взгляд и пожал плечами:

– Хорошо, раз вы так на это смотрите...

Господи, да не смотрю я на это так! Но сейчас моя гордость вознеслась слишком высоко – на уровень горных вершин Уиллиса.

Логан прошел мимо меня к дверям начальных классов. Как бы он не пожалел, подумала я, о своем приглашении. Кейт и Наша Джейн терпеливо ждали у дверей. Увидев меня, Наша Джейн подлетела ко мне и, часто дыша, спросила:

– Так мы поедем, Хевли-и? А то у меня животик болит.

Одновременно и Кейт затараторил про сэндвич с тунцом, который я обещала.

– Мисс Дил опять прислала? – спросил он и стал смотреть на меня в ожидании ответа. – Сегодня понедельник? Она прислала нам молока?

Я пыталась улыбнуться Логану, который все слышал и в задумчивости смотрел то на Нашу Джейн, то на Кейта. Потом он обратился ко мне с улыбкой:

– Если вы предпочитаете сэндвич с тунцом, давайте поторопимся в кафетерий, может быть, там еще осталось.

Деваться было уже некуда, потому что братишка с сестрой со всех ног устремились в кафетерий – как лисы на запах курятины.

– Хевен, – сказал Логан проникновенным тоном, – не в моих правилах позволять девочке платить за свой обед, если я приглашаю ее. Пожалуйста, позволь мне оказать тебе маленькую услугу.

Не успели мы войти в кафетерий, как до меня донеслись перешептывания: что это, мол, Логан связался с этими замарашками Кастилами? Том был уже там – видно, Логан пригласил его заранее, – и мне почему-то сразу стало легче. Теперь я обрела способность улыбаться. Я помогла Нашей Джейн и Кейту устроиться за длинным столом, при этом Кейт, придвинувшись поближе к сестренке, стал робко оглядываться по сторонам.

– Все по-прежнему настаивают на сэндвиче с тунцом и молоке? – спросил Логан.

Наша Джейн и Кейт остались верны своему выбору, а я согласилась на гамбургер и кока-колу. Логан попросил Тома помочь ему принести еду, и, когда они ушли, я стала оглядываться в поисках Фанни. В кафетерии ее не было. Мое беспокойство усилилось. У Фанни были свои способы зарабатывать на еду.

Ученики вокруг нас продолжали перешептываться, даже не заботясь о том, что я могу их услышать.

– И что ему она?.. Деревня и деревня... Он же наверняка из богатой семьи...

Логан Стоунуолл приковал к себе множество глаз, когда вместе с Томом вернулся к столу. Оба улыбались и с довольными лицами раскладывали на столе сэндвичи с тун-

цом, гамбургеры, жаркое по-французски, расставляли коктейли, молоко. Наша Джейн и Кейт были ошарашены видом такого количества еды. Им хотелось отпить коктейля, откусить гамбургера, попробовать жаркого. Кончилось тем, что я выпила молоко, а Наша Джейн, закрыв от удовольствия глаза, выпила мою кока-колу.

– Я возьму еще одну, – предложил Логан, но я не позволила ему, он и так сделал больше чем достаточно.

Я узнала, что ему действительно исполнилось пятнадцать. Он радостно улыбался, когда я шепотом произнесла, сколько лет мне, и настоял, чтобы я назвала дату рождения, будто это имело важное значение. Оказалось, что имело: мать Логана верила в астрологию. Он рассказал, как ему удалось устроиться в тот же зал, где я делала домашние задания. Я старалась заниматься в школе, чтобы домой брать не учебники, а романы.

Впервые в жизни у меня появился мальчик, настоящий друг, который не считал меня легкой добычей просто потому, что я с гор. Логан не издевался над моей одеждой или жилищными условиями. Однако с первого же дня он приобрел врагов в школе, потому что он был другим: слишком хорошо выглядел и носил слишком «городскую» одежду. Многих раздражало, что его семья была чересчур богатой, отец – очень уж образованным, а мать – излишне надменной. Другие мальчишки сделали вывод о новичке: маменькин сынок, хотя в первый же день Том сказал, что Логан себя еще покажет. Ребята нет-нет да и старались выкинуть против него какую-нибудь дурацкую, но не такую уж безобидную шутку. То подкладывали кнопки в спортивную обувь, когда урок проходил в гимнастическом зале, то туго связывали шнурки, и он не успевал вовремя вернуться к следующему уроку, то наливали клей в его ботинки и разбегались от Логана, выходявшего из себя и грозившего поколотить кое-кого.

Логан учился двумя классами старше нас с Томом. Через неделю он тоже стал ходить в джинсах и клетчатых рубашках (правда, джинсы у него были более дорогих фирм, а рубашки ему покупали где-то в Новой Англии, от какого-то «Бинза»). Но, несмотря на перемены в одежде, он продолжал выделяться среди всех. Его речь была тихой, мягкой и вежливой, в то время как другие говорили грубо, резко и громко. Логан не старался вести себя как другие ребята и не хотел переходить на их неотесанный язык.

В пятницу я, к большому удивлению Тома, не пошла в зал для самоподготовки. И пока мы топали по дорожке, он все приставал ко мне с расспросами. Солнечный сентябрьский день выдался вполне теплым, и Том искупался в речке – как был в одежде, лишь сбросив свою стоптанную обувь. Я упала ничком на траву, Наша Джейн прижалась ко мне, а Кейт разглядывал белку, устроившуюся на суку. Том плескался рядом, и я, не вкладывая в свои слова особого значения, брякнула:

– Как бы я хотела родиться с серебристо-золотыми волосами!

И тут же прикусила язык, увидев взгляд Тома. Он вылез из воды и по-собачьи повертел головой, отряхивая капли. К счастью, Фанни здорово отстала, но и на расстоянии до нас то и дело доносился ее хохот – снизу, из-за леса.

– Хевенли, так ты все теперь знаешь? – спросил Том странным, неуверенным шепотом.

– Что я знаю?

– Почему ты хочешь иметь именно такие волосы, ведь и твои очень даже красивые.

– Да так просто, шальное желание.

– Нет уж, погоди, Хевенли. Раз мы с тобой хотим остаться настоящими друзьями, даже больше чем братом и сестрой, ты должна быть со мной откровенной. Знаешь ты или не знаешь, у кого был этот серебристо-золотой цвет волос?

– А ты знаешь? – попыталась я уклониться от ответа.

– Конечно знаю, – ответил Том на ходу. – Уже давно, – тихо добавил он. – Как только пошел в школу. В туалете ребята рассказали мне, что у папы раньше была городская жена, из Бостона, и у нее были длинные серебристо-золотые волосы, говорили также, что она не смогла выдержать жизни в горах. Я все время надеялся, ты про это никогда не узнаешь. Так что брось думать, что я такой из себя хороший, никакой я не хороший. Во мне нет бостонской крови, никаких генов богатства, которые переходили из поколения в поколение, как у тебя. У меня на все сто процентов гены деревенщины, что бы вы там с мисс Дил ни думали.

Мне было больно слышать от него такие слова.

– Не смей так говорить, Томас Люк Кастил! Ты слышал, что нам рассказывала мисс Дил. Родители с самыми светлыми головами часто производят на свет идиотов, а идиоты могут дать жизнь гению! Это естественный путь к выравниванию. Она разве не говорила, что иногда умные папа и мама, похоже, расходуют все мозговые ресурсы на себя, а детям ничего не оставляют? И вообще, в природе все непредсказуемо. А единственная причина твоих не всегда, как у меня, отличных оценок – это слишком частые прогулы. Ты должен верить тому, что говорит мисс Дил: каждый из нас уникален в своем роде и рожден для выполнения задачи, которую лишь ему суждено исполнить. Никогда не забывай об этом, Томас Люк.

– И ты не забывай тоже, – резко произнес Том, строго взглянув на меня. – И перестань плакать по ночам о том, что ты такая, а не другая. Ты мне нравишься какая есть. – Его зеленые глаза смотрели на меня нежно, в сумрачной тени сосновых деревьев в них играли огоньки. – Ты моя настоящая «цыганская» сестра, и ты для меня в десять раз важнее, чем моя родная сестра Фанни, которой наплевать на всех, кроме себя. Она меня так не любит, как ты, и я не могу любить ее так, как тебя. Ты моя единственная сестра, с которой я могу помечтать обо всем. – Том посмотрел на меня так печально, что мне стало больно.

– Том, если ты скажешь еще что-нибудь, я заплачу! Мне думать больно, что однажды ты уедешь куда-нибудь и я тебя никогда больше не увижу.

Он отрицательно замотал головой, и его волосы разлохматились.

– Никуда я не уеду, если ты этого не захочешь, Хевенли. Мы с тобой вместе навеки. Как это говорят в книгах – несмотря на любые преграды, вместе в дождь и в снег... во тьме и мраке ночи...

Я рассмеялась, хотя в глазах у меня еще стояли слезы.

– Это все слова, глупости. – Я пожала Тому руку. – Давай пообещаем друг другу, и да поможет нам Бог, что наши пути никогда не разойдутся, что мы не будем злиться друг на друга или относиться друг к другу иначе, чем сейчас.

Том обнял меня, и так нежно, словно я была из дутого стекла и в любой момент могла разбиться. Потом он усмехнулся и сказал:

– Когда-нибудь ты выйдешь замуж – я знаю, ты будешь говорить, что нет, но Логан Стоунуолл уже смотрит на тебя телячьими глазами.

– Как он может любить, когда совсем меня не знает?

Том спрятал лицо в моих волосах:

– Все, что ему нужно сделать, – это посмотреть тебе в лицо, в твои глаза – там у тебя все написано.

Я отстранилась и смахнула слезы:

– А на тебя папа смотрит, когда ты что-то делаешь или когда он чем-то занимается?

– Слушай, а почему ты позволяешь ему так обижать себя?

– Ой, Том... – Я припала к его груди и по-настоящему заревела. – Ну как я могу поверить в себя, когда мой собственный отец не может заставить себя посмотреть на меня? Ему, наверно, чудится во мне что-то дьявольское, потому и ненавидит.

Том гладил меня по голове, по плечу, и когда я подняла на него глаза, то увидела на его лице слезы, будто ему передалась моя боль.

– Когда-нибудь папа поймет, что он не питает к тебе ненависти, Хевенли. Этот день скоро настанет, я уверен.

Я отпрянула от него:

– Никогда этого не будет, ты же сам знаешь. Папа считает, что я своим рождением убила его ангела. Он и через тысячу лет не простит мне этого! Если хочешь знать мое мнение, думаю, моей матери жутко повезло, что она избавилась от него! Он все равно рано или поздно стал бы относиться к ней так же жестоко, как теперь к Саре!

Мы оба были потрясены своими откровениями. Том снова обнял меня и пытался улыбкой поднять настроение, но улыбка выходила слишком печальная.

– Папа не любит маму, Хевенли. Он издевается над ней. Насколько я слышал, он любил твою маму. А на моей женился только потому, что она была беременна мной и он раз в жизни решил поступить честно.

– Потому что бабушка заставила его поступить честно! – с горечью воскликнула я.

– Запомни, папу никто не может заставить, если он сам так не решит.

– Да, я и так прекрасно помню, – ответила я, вспомнив, как отец не позволил себе даже взглянуть в мою сторону.

Снова настал понедельник, и снова мы все пришли в школу. Мисс Дил рассказывала нам о той радости, которую доставляет чтение шекспировских пьес и сонетов, а я все думала об одном: скорее бы в зал самоподготовки.

– Хевен, – обратилась ко мне мисс Дил, внимательно посмотрев на меня, – ты слушаешь или спишь с открытыми глазами?

– Слушаю.

– О каком стихотворении я сейчас рассказывала?

Правду сказать, я не могла вспомнить ни слова из того, что она говорила в последние полчаса. Это было не похоже на меня. Ой, хватит думать об этом несчастном Логане. Но вот я оказалась в зале самоподготовки, Логан сел справа от меня, и всякий раз, когда наши глаза встречались, меня охватывало какое-то странное чувство. Он не был ни чистым шатеном, ни чистым брюнетом, скорее, его волосы представляли смесь этих цветов, и кое-где лучи летнего солнца оставили позолоту на его прядях. Мне приходилось заставлять себя не смотреть в его сторону, потому что каждый раз я сталкивалась с его взглядом.

Логан улыбнулся и произнес:

– Кто же это оказался таким изобретательным и дал тебе имя Хевен? Никогда ни у кого не слышал.

Я пару раз проглотила комок в горле, прежде чем смогла внятно проговорить:

– Меня так назвала первая жена моего отца спустя несколько минут после моего рождения. Саму ее звали Ли. Бабушка сказала, что она хотела дать мне возвышенное имя. Более возвышенное, чем Хевен, нелегко придумать.

– Это самое красивое имя, которое я когда-либо слышал. А где теперь твоя мама?

– На кладбище. Она умерла, – отрезала я, забыв, что мне следует быть очаровательной и кокетливой. Вот Фанни никогда не забывает об этом. – Она умерла через несколько минут после моего рождения. И отец никак не может мне простить, что я отобрала у нее жизнь.

– В этой комнате – никаких разговоров! – прикрикнул на нас мистер Прекинз. – Кто еще раз заговорит, заработает пятнадцать часов после уроков!

Взгляд Логана сделался сочувственным. Когда мистер Прекинз на минуту вышел, Логан прошептал:

– Мне очень жаль, что так получилось, но ты сказала неверно. Твоя мать не на кладбище – она ушла в иной, лучший мир, на небеса.

– Если рай и ад существуют, то они здесь, на земле, я все время об этом думаю.

– Сколько же тебе лет – сто двадцать, не меньше?

– Сам знаешь – тринадцать! – сердито поправила я его. – А чувствую я себя сегодня на все двести пятьдесят.

– Почему так?

– Просто чувствую себя не на тринадцать лет, вот почему.

Логан прокашлялся, взглянул на мистера Прекинза, посматривающего на нас через прозрачную стеклянную стену, и рискнул задать мне шепотом еще один вопрос:

– Это будет нормально, если я сегодня провожу тебя домой? Я еще ни разу не беседовал с человеком, которому двести пятьдесят лет, и ты так разожгла мое любопытство. Мне очень интересно было бы тебя послушать.

Я кивнула и почувствовала себя несколько неловко. Я загнала себя в ситуацию, когда могу разочаровать его ординарными ответами. Что я понимаю в мудрости, старости, да и вообще?

Логан появился-таки на краю школьного двора, где мальчики, провожавшие девочек, живущих в горах, ждали своих подруг. Там же торчала и Фанни. Она крутилась на этом пятачке, то распуская волосы по лицу, то закидывая их назад, то описывая ими круги. Фанни широко улыбнулась, увидев Логана, словно он шел навстречу ей. Тут же стояли и Том с Кейтом. Том, казалось, удивился, увидев Логана у исходной точки нашей тропинки. Тропинка эта была малозаметной, она петляла поначалу среди кустарника, а дальше заводила в лес и выходила только к нашей избушке под самым небом. В тот миг, когда Фанни увидела и меня на дорожке, она издала такое громкое восклицание, что мне стало не по себе.

– Хевен, а чего это ты с этим новеньким? Ты ведь не любишь мальчиков! Сама же миллион раз говорила, что хочешь быть учительницей, таким синим чулком.

Я постаралась не обращать внимания на Фанни, хотя и густо покраснела. И это называется солидарность сестер! Собственно, особого такта от нее и ждать было нечего. Я вымученно улыбнулась Логану. На Фанни лучше всего не реагировать.

Логан неодобрительно взглянул на нее, Том тоже.

– Фанни, пожалуйста, не говори больше ничего, – попросила я ее, испытывая неловкость. – Поторопись лучше домой, постирай немножко для разнообразия.

– Я никогда не хожу домой просто с братом, – пренебрежительным тоном произнесла Фанни, адресуя ответ Логану, а потом одарила его своей самой очаровательной улыбкой. – Ребятам не нравится Хевен, им всем нравлюсь я. И тебе я тоже понравлюсь. Хочешь взять меня за руку?

Логан обвел взглядом Тома, меня, потом серьезно обратился к Фанни:

– Спасибо тебе, но в настоящий момент я собираюсь проводить домой Хевен и послушать то, что будет говорить мне Хевен.

– Знал бы ты, как я пою!

– В другой раз, Фанни, я послушаю, как ты поешь.

– У нас Наша Джейн поет... – нерешительно вставил слово Кейт...

– Да, вот она действительно поет! – воскликнул Том, схватив Фанни за локоть и увлекая за собой. – Пошли, Кейт, Наша Джейн ждет тебя.

Кейт сразу отреагировал. Он торопливо двинулся за Томом, потому что Наша Джейн сидела дома: она пропустила школу из-за того, что у нее снова болел живот и поднялась температура.

Фанни вырвалась от Тома, отбежала в сторону и, скорчив гримасу, закричала:

– Ты эгоистка, Хевен Ли Кастил! Жадная, тощая, страшная! У тебя противные волосы! У тебя противное и дурацкое имя! Мне все в тебе противно! Вот так! Дождешься, я все расскажу про тебя папе! Папе не понравится, что ты принимаешь милостыню от какого-то незнакомого городского парня, который жалеет тебя! Что ты ешь его гамбургеры и все прочее, да еще учишь Нашу Джейн и Кейта побираться!

На сей раз Фанни выплеснула из себя все самое омерзительное, всю свою зависть и ненависть. Она вполне может осуществить угрозу, и тогда отец накажет меня.

– Фанни... – Том побежал к ней, стараясь поймать. – Можешь взять себе мой акварельный набор, если не будешь раскрывать рта и не скажешь, что Логан приглашал нас всех на обед...

Фанни сразу заулыбалась:

– Ладно! И альбом для раскрашивания, который тебе мисс Дил дала! А не знаешь, почему она мне ничего не подарила?

– А ты сама не знаешь? – пренебрежительно спросил ее Том, передавая акварельный набор и альбом для раскрашивания. Я-то знала, как они ему самому нужны. У брата никогда раньше не было акварельных красок и альбома для раскрашивания про Робин Гуда. В этом году Робин Гуд был его любимым книжным героем. – Вот научишься вести себя в гардеробной, тогда мисс Дил, может быть, и проявит к тебе щедрость.

И снова мне хотелось умереть от стыда!

С плачем Фанни упала на тропинку, которая петляла среди высоких деревьев, упирающихся, казалось, прямо в небо, и стала колотить по траве кулачками, однако тут же закричала, потому что в траве оказался камешек и Фанни ушибла руку до крови. Присев, она слизала кровь и умоляюще посмотрела на Тома:

– Пожалуйста, не говори папе, ну пожалуйста.

Том пообещал.

Я тоже пообещала. Хотя мне по-прежнему хотелось провалиться сквозь землю, чтобы не видеть широко раскрытых глаз Логана, который, похоже, никогда в жизни не видел такой дикой, безобразной сцены. Я старалась не смотреть на него, пока Логан не улыбнулся мне с пониманием.

– Ваша семья, возможно, делает тебя, так сказать, внутренне старше, а внешне ты – моложе весны.

– Ты ворует слова из песни! – крикнула Фанни. – Тоже мне нашел способ заигрывать!

– Эй, закройся! – прикрикнул Том, снова схватил ее за руку и потянул за собой, да так, что Фанни оставалось или бежать за Томом, или расстаться с рукой. И мне наконец удалось побыть с Логаном вдвоем.

Кейт снова замыкал наше шествие. Неожиданно застыв словно загипнотизированный, он начал разглядывать малиновку, которая вскоре улетела, иначе Кейт мог бы стоять так очень долго.

Когда мы остались одни, Логан заметил:

– Сестра у тебя, конечно, необычная.

Кейт здорово отстал, увлекшись наблюдениями. Я вся была поглощена своими мыслями. Ребята из долины считали, что девочки с гор весьма доступны и с ними можно поэкспериментировать. В свои годы Фанни уже уловила этот дух гор с его более ранним проявлением сексуальности, чем в низинных местностях. Вероятно, это объяснялось тем, что все происходило в наших дворах и одно-двухкомнатных лачугах. Не было необходимости в специальном половом воспитании, поскольку дети оказывались лицом к лицу с сексом, как только начинали отличать мужчину от женщины.

Логан кашлянул, чтобы напомнить о себе:

– Готов выслушать рассказ о нажитой тобой за долгие годы мудрости. Я бы записывал, но на ходу неудобно. В следующий раз захвачу магнитофон.

– Ты смеешься надо мной, – запротестовала я, а потом стала рассказывать об истоках своей «мудрости». – Видишь ли, мы живем вместе с бабушкой и дедушкой. От дедушки редко добьешься слова, только в случае крайней необходимости. А вот бабушка, наоборот, говорит и говорит не умолкая. И все время вспоминает, как хорошо было в старые времена, и жалуется, как плохо все сейчас. Моя мачеха вечно ругается и злится, потому что у нее забот невпроворот, а возможности ограниченные... И иногда, натываясь в своем домишке на эти проблемы, я чувствую, что мне даже не двести пятьдесят, а тысяча лет, только я не обладаю тысячелетней мудростью.

– О, ты девочка, которая умеет говорить честно, – с улыбкой произнес Логан. – Мне это нравится, и я могу тебя понять. Что касается меня, то я – единственный ребенок, рос среди дядь, тетя и бабушек с дедушками. А у тебя еще два брата и две сестры.

– Ты считаешь это преимуществом или недостатком?

– Как посмотреть. С моей точки зрения, Хевен Ли, это преимущество – иметь большую семью. Никогда не будешь одиноким. А я все время один да один, а хотелось бы иметь братьев и сестер. Том – хороший парень, веселый, очень спортивный. А Кейт и Наша Джейн – красивые дети.

– А Фанни? Что ты думаешь о Фанни?

Он покраснел, замаялся, потом все же медленно ответил, осторожно подбирая слова:

– Я думаю, что из нее вырастет такая... экзотическая красotka.

– И это все, что ты думаешь?

Он наверняка слышал о забавах Фанни с мальчиками в гардеробной.

– Нет, не все. Я думаю обо всех девочках, которых я видел, обо всех, кого еще увижу, и об одной по имени Хевен Ли, которую я вижу сейчас, и она имеет перспективу быть самой красивой из всех. Я думаю, что эта Хевен – исключительно честная и прямая... Так что, если ты не возражаешь, я хотел бы с нынешнего дня каждый день провожать тебя домой.

Ах, какое счастье было услышать такие слова! Я рассмеялась и бросилась бежать, а потом на расстоянии крикнула:

– Логан, до завтра! Спасибо, что проводил!

– Но мы же еще не пришли! – крикнул в ответ Логан, опешив от моего неожиданного побега.

Я не могла позволить ему увидеть, где мы живем и как живем. Он же и говорить со мной после этого больше не станет.

– Как-нибудь в другой день я тебя приглашу! – крикнула я, стоя на краю небольшой пашни, отвоеванной у леса.

Логан остался на другом берегу горной речки, через которую был перекинут мостик. Он стоял на фоне поляны, покрытой желтой травой, и в волосах и в глазах у него играло солнце. Живи я хоть тысячу лет, никогда не забуду, как он улыбнулся, помахал мне рукой и крикнул:

– О'кей. Я свою ставку сделал. С сегодняшнего дня Хевен Ли Кастил – моя.

Весь оставшийся путь до дому все в моей душе пело. Я никогда не была такой счастливой. Совершенно вылетело из головы собственное обещание не влюбляться до тридцати лет.

– Ты выглядишь такой счастливой! – заметила Сара, оторвавшись с тяжелым вздохом от стирки. – Как, хорошо прошел день?

– Да, мама, прекрасно.

Из дверей высунула голову Фанни:

– Мама, Хевен нашла себе дружка из долины. А ты же ведь знаешь, какие они.

Сара снова вздохнула:

– Хевен, ты же не позволяешь ему?.. Или как?

– Мама! – протестующе повысила я голос. – Ты же знаешь, я не позволю!

– Еще как позволит! – заорала Фанни. – Она творит с мальчишками такие позорные вещи в гардеробной, стыдно просто!

– Что ж ты врешь! – Я двинулась на Фанни, но Том так наподдал ей сзади, что Фанни вылетела из двери и, упав на террасу, заревела.

– Ма, это не Хевен, а Фанни выкидывает такие номера. Это самая бесстыдная девица во всей школе, тебе любой это скажет.

– Да уж скажут, будто сама не знаю, кто на что годится, – глухо проворчала Сара, подвигая в мою сторону корыто. – Ох, эта моя индианочка Фанни с ее чертовскими повадками! Когда-нибудь она дострелится своими глазищами и попадет в такую же замазку, как я теперь, попадет рано или поздно. Хевен, ты подтверже будь, стой на своем: нет и нет! А теперь переоденься да постирай. Чего-то мне в последнее время нехорошо. Не пойму, отчего это я так уставать стала.

– Может, покажешься врачу, мама?

– Покажусь, когда врачи станут бесплатными.

Я закончила стирку, а Том с удовольствием помог мне развесить белье. Когда мы все завершили, двор стал похож на выставку старьевщика.

– Тебе нравится Логан Стоунуолл? – спросил Том.

– Думаю, что да, – ответила я, почувствовав, что краснею.

Том казался расстроенным, словно боялся, что Логан станет стеной между нами. Нет, это было бы невозможно.

– Том, может быть, мисс Дил даст тебе другой акварельный набор?

– А, ладно, не важно. Все равно я не собираюсь быть художником. Из меня вообще может ничего не выйти, и только ты рядом помогаешь мне поверить в себя.

– А я всегда буду рядом с тобой. Разве мы не поклялись быть вместе, несмотря на любые преграды?

Его зеленые глаза, засветившись, быстро угасли.

– Но это было до того, как Логан Стоунуолл проводил тебя домой.

– Ты же иногда провожаешь домой Салли Браун, правда?

– Это было всего один раз, – признался Том с таким видом, словно я этого не знала. – И то только потому, что она чем-то похожа на тебя: не дура и не гогочет по пустякам, как все остальные.

Тут я не нашлась что ответить. Иногда мне хотелось быть такой же, как другие девочки, – беспечной, хохотать по поводу и без повода и не нести на себе столько обязанностей, из-за которых я чувствую себя старше своих лет.

Вечером того же дня я как следует отругала Фанни насчет ее поведения и возможных последствий. Ей передо мной было нечего отнекиваться или объясняться. В те редкие моменты, когда мы, как сестры, нуждались друг в друге, Фанни поведала, что ненавидит школу и жалеет время, которое школа отнимает у нее от развлечений. Даже в более нежном возрасте, чем в свои двенадцать, ей хотелось водить компанию со старшими мальчиками, которым нелегко было отвязаться от назойливой девочки. Фанни нравилось, когда они раздевали ее, залезали под белье и вызывали у нее волнующие ощущения. Я была ошарашена, услышав все это, но еще больше – став свидетелем этого.

– Больше не буду, правда, больше не позволю им, – обещала Фанни, которой сильно хотелось спать, и поэтому она готова была согласиться на все, даже выполнить мое твердое приказание.

На следующий же день, несмотря на обещания Фанни, все началось снова. Я пошла за ней в класс, чтобы отправиться вместе домой. И мне пришлось буквально приступом врываться в гардеробную и силой отрывать от Фанни прыщавого мальчишку из долины.

– Твоя сестра не строит из себя, как ты! – прошипел прыщавый.

А Фанни все время похихикивала.

– Оставь меня в покое! – визгливо закричала она, когда я стала тащить ее за руку. – Папа относится к тебе как к невидимке, поэтому ты не можешь знать, как приятно любить мальчиков, мужчин. А если ты будешь приставать ко мне со своими запретами, я им разрешу делать со мной все, что хотят. И мне наплевать, скажешь ты папе или нет. Все равно он меня любит, а тебя ненавидит!

Это было уж слишком, и, если бы Фанни не бросилась ко мне, не обхватила своими тонкими руками мою шею и не заплакала, умоляя простить ее, я, возможно, навсегда отвернулась бы от исполненной ненависти бесчувственной сестры.

– Прости, Хевен, правда, прости. Я люблю тебя, правда, люблю, люблю. Просто мне нравится быть с мальчиками. Не могу ничего поделать с собой, Хевен. И не хочу ничего делать. Это же ведь все естественно, Хевен, скажешь нет?

– Твоя сестра Фанни будет шлюхой, – объявила мне потом Сара тусклым, лишенным всякой надежды голосом, доставая из коробок наши спальные тюфяки. – Ничего ты с ней не поделаешь, Хевен. Так что думай лучше о себе.

Отец приходил домой три-четыре раза в неделю, будто желая посмотреть, на какое время у нас хватает еды, и приносил с собой продуктов на такую сумму, сколько мог позволить себе истратить за один раз. Я слышала, как бабушка рассказывала Саре, что дедушка забрал папу из школы, когда тому было всего одиннадцать лет, чтобы пристроить его на работу в угольных шахтах, но отец настолько ненавидел эту работу, что сбежал и не приходил ни в шахты, ни домой, пока дедушка не нашел его в одной из пещер.

– И Тоби поклялся Люку, что тот больше не пойдет в эти шахты, хотя у него было бы побольше денег, если бы мальчик хоть иногда работал...

– Я тоже не хочу, чтобы он шел в шахту, – уныло заметила Сара. – Нехорошо заставлять человека заниматься тем, к чему у него душа не лежит. Даже если полиция сцапает его рано или поздно, он умрет из-за одного того, что дал им поймать себя. Так пусть уж лучше умрет, чем будет сидеть в клетке, как его братцы...

Этот разговор заставил меня взглянуть на шахтеров по-иному, чем я смотрела на них раньше.

Многие из них жили не в Уиннерроу, а в различных деревушках, разбросанных по окрестностям, но не в самых горах, как мы. Часто по ночам, когда ветер стихал, я лежала на своем тюфяке и мне казалось, я слышу удары шахтерской кирки, будто погибшие шахтеры, засыпанные углем, пытаются пробиться на поверхность – туда, где стоит наша лачуга.

– Ты слышишь их, Том? – спросила я его в одну из ночей, когда Сара с плачем легла в постель, потому что отец не показывался дома уже пять дней. – Стук, стук, стук... Разве не слышишь?

Том сел в постели и прислушался:

– Ничего я не слышу.

А я различала слабые и далекие удары: стук, стук, стук. И еще более слабое: по-мо-ги-те, по-мо-ги-те! Я вышла на террасу – и звуки сделались громче. Я поежилась, потом позвала Тома. Вместе мы пошли на звуки и в лунном свете увидели отца. Без рубашки, весь в поту, он рубил топором дерево: скоро зима и надо было заготовить дрова.

Впервые в жизни я смотрела на него с удивлением и жалостью. По-мо-ги-те – отдавалось у меня в голове. Может, это он выкрикивал? Что же это за человек такой, который идет ночью рубить лес, даже не заглянув домой и не поприветствовав жену и детей?

– Пап, – окликнул его Том, – я могу тебе помочь.

Отец, не переставая работать топором, из-под которого только щепки летели, крикнул в ответ:

– Иди ложись спать. И скажи маме, я получил новую работу, там приходится быть весь день и единственное свободное время – это ночь. Вот я и рублю вам деревья по ночам, потом распилю и наколю их. – И ни слова о том, что он и меня видит рядом с Томом.

– А что у тебя за работа сейчас, пап?

– На железной дороге, парень. Учусь водить большие такие паровозы. Бросаю уголь...

Приходи завтра в семь в депо, увидишь, как я выезжаю...

– Мама тоже с удовольствием посмотрела бы на тебя, пап.

Топор, как мне показалось, на мгновение завис в отцовских руках.

– И она увидит... Когда надо, тогда и увидит.

И больше ничего не сказал. Я повернулась и бросилась бежать домой.

Упав на постель, я залилась слезами. Они лились на мою подушку, набитую куриными перьями, и я не знала точно, почему так расплакалась: то ли внезапно стало очень жалко отца, то ли еще больше – Сару.

Сара

Пришло и ушло еще одно Рождество, не оставив о себе памяти настоящими семейными подарками. Нам всегда дарили только предметы первой необходимости – например, зубные щетки, мыло. Если бы не Логан, который преподнес мне золотой браслет с маленьким сапфиром, то и это Рождество прошло бы буднично. Мне же нечего было подарить Логану, кроме шапочки, которую я связала сама.

– Вот это шапочка! – восхищался Логан, надевая ее. – Всегда мечтал о ярко-красной шапочке ручной вязки. Спасибо тебе большое, Хевен Ли. А вот здорово было бы, если бы ко дню рождения ты связала мне такой же шарф. День рождения у меня в марте.

Я удивилась, что он вообще стал носить эту шапочку. Она была великовата, и Логан не заметил, что я пропустила пару петель и что шерсть, используемая не в первый раз, была не очень «чистых кровей». Не успело пройти Рождество, как я принялась за шарф, закончив его к середине февраля, ко Дню святого Валентина.

– В марте будет поздновато носить такой шарф, – сказала я с улыбкой, когда Логан накинул шарф на шею.

Шапочку он продолжал носить в школу каждый день. Логан мог мне понравиться уже одной только привязанностью к этой ужасной шапочке.

В феврале мне исполнилось четырнадцать лет. Логан сделал мне новый подарок – очень милый беленький свитер, от которого в темных глазах Фанни появился завистливый блеск. На другой день после дня рождения Логан, встретив меня после школы около нашей тропинки, проводил до поляны у речки, недалеко от дома. И так продолжалось до самой весны. Кейт и Наша Джейн привыкли к нему и полюбили, а Фанни усиленно расточала свои чары, но Логан упорно игнорировал ее. Ах, влюбиться в четырнадцать лет – какое это счастье! От переполнявшей меня радости я могла одновременно смеяться и плакать.

Прекрасные весенние дни, когда сам воздух напоен ароматом любви, летели быстро. Мне хотелось проводить время романтично, но бабушка и Сара имели свои виды: пришла пора сажать овощи, да и прежние обязанности никто с меня не снимал (Фанни все это, как обычно, не касалось). Если бы не большой огород за домом, нам не удалось бы перебиваться с едой. В огороде росли белокочанная и листовая капуста, картошка, огурцы, морковь, репа и, наконец, самое вкусное – помидоры.

По воскресеньям мне не терпелось скорее увидеть Логана в церкви. Он садился через проход, ловя каждый мой взгляд, и глаза его так много хотели мне сказать, а я никак не могла выбросить из головы мысли о нашей беспросветной бедности. Логан делился с нами многими вещами, продававшимися в аптеке его отца. Для других они считались обыденными, нам же доставляли море радости: шампуни в пузырьках, одеколоны и духи, бритвенный прибор и лезвия для Тома, на верхней губе которого появилась растительность покрепче прежнего рыжеватого пушка.

Однажды мы наметили на воскресенье пойти после церкви на рыбалку. Надо заметить, что Логан не говорил родителям, с кем он водит компанию. И как-то раз, гуляя с Логаном по Уиннерроу, мы случайно наткнулись на них, и по их каменным физиономиям я поняла: родители не хотели, чтобы я или вообще кто-либо из Кастилов занимал хоть какое-то место в жизни их сына. Но их желание, похоже, не имело значения для Логана – в такой же почти мере, как и для меня. Я не прочь была понравиться им, но пока что Логан не представлял меня родителям, хотя и намеревался сделать это.

И вот я сидела и думала о родителях Логана, машинально расчесывая пальцами волосы, Фанни в это время дразнила любимую собаку папы – Снэппера, а Сара за моей спиной грузно развалилась на стуле. Убрав с лица пряди рыжих волос, она вздохнула:

– Как же я все-таки устала. Постоянно сидит во мне эта усталость. И папа ваш не приходит домой, а когда приходит, ему и дела нет до моего состояния, он на меня и не взглянет даже.

Я и сама редко смотрела на Сару, а обернувшись (интересно, чего же такого не замечает отец?), сразу поняла: она беременна, снова беременна.

– Мама! – воскликнула я. – А ты папе не говорила?

– Если б он взглянул на меня, то и сам бы понял. – На глаза у нее навернулись слезы жалости к самой себе. – Чего нам не хватает, так это лишнего рта. А что поделаешь, осенью будет.

– В каком месяце, мама, в каких числах? – поинтересовалась я, не в силах поверить, что мне предстоит возиться еще с одним малышом. Вот вроде бы и Наша Джейн пошла в школу, с ней уже нет прежних хлопот. Господи, я только год как вздохнула посвободнее после нее и Кейта.

– Я не считаю дни. Что я, докторам буду говорить? Я по докторам не хожу, – прошептала Сара, словно у нее сел голос от ожидания ребенка.

– Мама, ты должна сказать мне когда. Чтобы я была здесь, рядом с тобой.

– Молюсь и надеюсь, что этот будет черноволосым, – пробурчала она, словно про себя. – Твой папа все хотел темноглазого темноволосого мальчика, такого же, как он сам. Господи, услышь меня на этот раз и дай мне сына, похожего на Люка, и тогда он полюбит меня, как любил ее...

Мне было больно слышать такое. Можно ли столько лет горевать – если отец действительно горюет, какой от этого прок? И когда он успел зачать ребенка? Я могла бы сказать, чем они занимались большую часть времени. Пружинный матрас давно уже не скрипел в известном нам ритме.

По дороге к озеру, где мы должны были встретиться с Логаном, я с тяжелым сердцем поведала Тому свежую новость. Том попытался изобразить радостную улыбку, но она получилась вымученной.

– Ну что ж, раз тут ничего не поделаешь, посмотрим, какая от этого может быть польза. Будем надеяться, что вот этот мальчик сделает наконец нашего папу более счастливым. Это было бы отлично.

– Том, я не хотела доставлять тебе неприятность разговором на эту тему.

– Какая там неприятность! Я же прекрасно знаю, что когда папа смотрит на меня, то думает: хорошо, если бы я был похож больше на него, чем на маму. И все-таки, Хевенли, пока моя внешность нравится тебе, я доволен.

– Что ты, Том, все девочки говорят, ты дьявольски красив.

– Это только девочки могут так сказать: «красивый» и добавить – «дьявольски», в результате же – вся красота на нет, правда?

– Ох, эти зеленые глаза! – Я обняла Тома, потом склонила голову ему на грудь. – Мне очень жалко маму, она вся измотанная, да еще такая грузная на вид и неповоротливая, я как-то раньше этого не замечала. Мне так стыдно, что я ей недостаточно помогала, могла бы и побольше.

– Ты и так помогаешь будь здоров как, – буркнул Том и отстранился от меня, когда показался Логан. – А теперь улыбайся и делай довольное лицо, потому что ребятам не нравятся девочки, у которых полно проблем.

Внезапно из-за деревьев показалась Фанни. Она вдруг резко бросилась к Логану, словно шестилетняя малышка, а не развитая физически девушка тринадцати лет. Логану оставалось либо схватить ее, либо упасть.

– О, сегодня ты особенно красив, – вкрадчивым голосом пропела Фанни, пытаясь поцеловать его, но Логан выпустил ее из рук и, с силой оттолкнув от себя, подошел ко мне.

В этот день Фанни то и дело крутилась перед глазами, шумела, отпугивая рыбу, и все время требовала к себе внимания, так что вторая половина воскресенья, обещавшая быть приятной, оказалась основательно испорченной. Наконец, ближе к сумеркам, Фанни отбыла в неизвестном направлении, оставив нас с тремя рыбешками, которые и тащить домой не стоило. Логан бросил их обратно в воду, и рыбки юркнули в глубину.

– Дома увидимся, – сказал мне Том и исчез, оставив нас с Логаном вдвоем.

– Что произошло? – спросил он.

Я сидела, задумчиво глядя на игру розовых оттенков заката в воде. Скоро их сменит темно-красный цвет – как цвет той крови, что прольется при рождении нового малыша. Память выдала мне мельком воспоминания обо всех предыдущих родах.

– Хевен, да ты меня не слушаешь.

Я не знала, стоит или не стоит говорить Логану о таких довольно-таки интимных вещах, но у меня все вышло само собой, как будто я не могла держать от него никаких секретов.

– Я боюсь, Логан, боюсь не только за Сару и ее ребенка, но и за всех нас боюсь. Иногда, глядя на несчастную Сару, я думаю, сколько она может выдержать такую жизнь? И если Сара уйдет – а она поговаривала насчет того, чтобы бросить отца, – то малыша оставит на меня и мне придется взять на себя все заботы о нем. Бабушка мало что может, разве только вязать, вышивать да дорожки плести.

– А у тебя и без того, как я понимаю, забот хватает. Но, Хевен, разве ты не знаешь, что все воздастся? Ты не слышала, что говорил сегодня в церкви преподобный Вайс о кресте, который несет каждый из нас? Помнишь, он сказал, что Бог никогда не позволяет нести непосильный крест?

– Может, оно и так, но в данный момент Сара чувствует, что ее крест тянет на всю тонну, и вряд ли ее можно в чем-то обвинить.

Мы медленно шли в направлении нашего дома, расставаться не хотелось.

– Ты и сегодня... не хочешь задать мне никакого вопроса? – запинаясь, спросил Логан.

– В другой раз... может быть.

Логан остановился:

– Я хотел бы пригласить тебя домой, Хевен. Я сказал своим родителям, какая ты чудесная и хорошенькая, но им следует посмотреть на тебя и поближе познакомиться, чтобы оценить мой выбор.

Я несколько отпрянула от него, досадуя и на Логана, и на себя: «Почему бы ему не оставить нас, Кастилов, в покое с нашими проблемами, нищетой и стыдом?» И тогда он быстро шагнул ко мне, неловко схватил и чмокнул в губы. Я вздрогнула от неожиданного прикосновения его губ. Логан выглядел как-то необычно при вечернем свете.

– Спокойной ночи. И не волнуйся ни о чем. Я всегда буду рядом, когда тебе понадобится.

С этими словами он стал спускаться по тропинке, направляясь в сторону чистых и ухоженных улиц Уиннерроу. Потом он поднимется по ступенькам в свою квартиру прямо над аптекой Стоунуоллов, в светлые и приятные помещения, обставленные современной мебелью, с водопроводными кранами, туалетом со смывом, даже двумя. Сегодня вечером он будет смотреть с родителями телевизор. Я следила за ним, пока он не исчез из виду, и пыта-

лась представить себе, что же это за ощущение – жить в чистых комнатах с цветным телевизором. О, конечно, это в тысячу раз лучше, чем здесь, это уж точно.

Меня занимали сладкие мысли о Логане и его поцелуе, поэтому я не заметила, как пришла в нашу хижину – и очутилась словно на поле битвы.

Отец был дома. Он мерил переднюю комнату и метал в Сару злые взгляды, словно всаживая в нее ножи.

– Почему ты позволила себе опять забеременеть? – кричал он на нее, ударяя шляпой по тыльной стороне ладони.

В гневе он стукнул кулаком по стене, отчего с полки соскочили несколько чашек и разбились о пол. А лишних чашек у нас и так не было.

Отец был ужасен в своем гневе. Страшно было смотреть на него, когда он метался по комнате, слишком маленькой, чтобы дать развернуться своей энергии.

– Я работаю теперь днем и ночью, чтобы тебе и твоим детям было что есть! – бушевал он.

– А ты что, тут ни при чем, да?! – выкрикнула Сара, потрянув распущенными рыжими волосами, которые обычно были собраны сзади лентой.

– Я же дал тебе принимать эти таблетки! – шумел отец. – Я плачу за них такие деньги! Думал, у тебя хватит ума прочесть, как ими пользоваться!

– А я и так все их приняла! Я что, тебе не говорила разве? Все проглотила, ждала, что ты придешь домой. А когда пришел – таблеток не было.

– Хочешь сказать, что ты их съела все зараз?

Сара вскочила со стула – одного из шести наших жестких, угловатых, неудобных стульев – и стала говорить, потом снова присела.

– Я забываю... все время забываю... вот и решила проглотить все, чтобы не забыть...

– О господи! – простонал отец. Его темные глаза уставились на нее со злостью и презрением. – Дура! Я же сам читал тебе инструкцию!

С этими словами он ударом распахнул дверь и вылетел из дому. Мы остались сидеть на полу: я и Том с Кейтом и Нашей Джейн на коленях. Наша Джейн уткнулась личиком в Тома и плакала. Она всегда плакала, когда родители ругались между собой. Фанни свернулась калачиком на своем тюфяке, зажав уши ладонями и крепко зажмурился глаза. Бабушка и дедушка, давно привыкшие к ссорам, сидели в качалках, мерно покачиваясь и с безразличием глядя в пространство.

– Люк вернется, он будет заботиться о тебе. – Бабушка стала понемногу успокаивать плачущую Сару. – Он ведь хороший парень, он сразу простит тебя, когда увидит твоего новорожденного.

Сара, всхлипывая, принялась готовить еду – нашу последнюю на сегодняшний день. Я поспешила помочь ей:

– Посиди, мама, или иди ляг, я сама приготовлю.

– Спасибо тебе, Хевен... Только мне надо чем-нибудь заняться и отогнать мысли. А я его так любила! Ой, как же я любила этого Люка Кастила! Вот никогда не думала не гадала, что он не умеет никого любить, кроме себя...

Вечером, после ужина, Фанни прошептала мне:

– Я уже начинаю ненавидеть этого нового ребенка. На кой он нам сдался. Мама уже стара для детей... Вот мне – пора иметь ребенка.

Я взметнулась, услышав такие слова:

– Никакого тебе ребенка не надо! Фанни, ты обманываешь себя, думая, что раз у тебя будет ребенок, значит ты уже взрослая и свободная. Ребенок свяжет тебя куда больше, чем зависимость молодости, так что ты смотри там, не доиграйся со своими мальчиками.

– Ты же ничего не знаешь! Мне что, в первый раз, что ли? Ты в десять раз больше ребенок, чем я. А вряд ли ты понимаешь, о чем я говорю.

– Так о чем ты говоришь?

Фанни всхлипнула и уцепилась за мою руку:

– Не знаю... Просто так многого хочется, а у нас ничего нет. Просто тошно! Можно же как-то выкрутиться из этой жизни. У меня нет настоящего парня, как у тебя. Никто из ребят не любит меня, как тебя Логан. Хевен, помоги мне, прошу тебя, помоги.

– Помогу-помогу, – успокаивала я Фанни, прижавшуюся ко мне, хотя не знала, чем я могу помочь. Разве что молитвой.

Жаркие августовские дни летели, казалось, слишком быстро. Последние недели беременности Сары были довольно-таки мучительными для нее. Для нас всех тоже, хотя отец показывался дома чаще, чем раньше. Он перестал ругаться, похоже смирившись с мыслью, что Сара принесет еще пять-шесть детишек, пока будет способна рожать.

Она тяжело ступала по нашей хижине и часто трогала красными мозолистыми руками живот, без особой радости вынашивая своего пятого ребенка. Сара или бубнила молитвы, или отдавала приказания, а проявления ласки, и без того редкие для нее, остались в прошлом. Позже грубоватая простота ее манер, с которой мы срослись, уступила место тревожному молчанию, отчего нам становилось еще неудобнее.

Сара перестала ругаться с папой и покрикивать на всех нас. Словно пожилая леди, она еле таскала ноги, а ведь ей было всего двадцать восемь лет. Когда папа приходил домой, Сара почти не смотрела на него, не удосуживалась спросить, где это он пропадал, совсем не упоминала «Ширлис плейс», забывала даже поинтересоваться, «чистые» ли деньги он получает или по-прежнему зарабатывает на продаже левых спиртных напитков. Сара будто замкнулась в себе, пытаясь принять какое-то решение.

День за днем она становилась все более отрешенной, отстранившись от всех нас. Мы это переносили очень болезненно, особенно Наша Джейн и Кейт, которые так нуждались в матери. Взгляд ее ожесточался, когда отец раз или два в неделю появлялся в дверях. Он теперь работал в Уиннерроу, занимался честным делом, однако Сара не верила в это. Несколько раз я слышала, как отец рассказывал ей о своей работе, но как-то неуверенно, потому что Сара не задавала ни единого вопроса.

– Ты делаешь черную работу для попов и жен банкиров, которые не хотят пачкать свои белоснежные ручки.

Спору нет, многие свои доллары отец получал на приработках у богатых людей. Но он был согласен на любой приработок.

Наша Джейн, чувствуя угнетенное состояние матери, болела этим летом больше, чем обычно. Она, в отличие от нас, то и дело схватывала простуду, потом переболела ветрянкой. Не успела пройти ветрянка, как девочка упала в заросли ядовитого плюща, после чего целую неделю плакала день и ночь, а отец среди тьмы вскакивал, заводил машину и уезжал в «Ширлис плейс».

Радость наполняла дни, в которые Наша Джейн чувствовала себя хорошо. Тогда она улыбалась, довольная, и не было во всем огромном мире ребенка симпатичнее Нашей Джейн, этого верховного правителя в лачуге семьи Кастил. И правда, все люди в долине говорили, как красивы дети у хитрого, жестокого, обидчивого и неуравновешенного Люка Кастила и у его жены Сары, такой огромной и некрасивой, по мнению завистливых женщин.

Однажды Кейту, который вообще редко о чем-то просил, понадобились цветные карандаши, а в доме в то время были только карандаши, когда-то полученные Фанни в подарок от мисс Дил (Фанни эту коробку так и не открывала).

– Нет! – визгливо воскликнула Фанни. – Пусть Кейт не трогает мои карандаши, они совсем новенькие!

– Дай ему карандаши, а то он обидится и потом больше не попросит, – стала я уговаривать ее, настороженно поглядывая на братика, который мог в дедушкиной манере сесть и неподвижно замереть.

Но что касается дедушки, он видел больше всех нас. Кто другой мог вырезать по дереву каждый волосок на беличьем хвосте? Его глаза не смотрели, но действительно видели.

– А по мне, хоть пусть вообще никогда не говорит! – выкрикнула Фанни.

Тогда Том взял карандаши и дал их Кейту, на что Фанни стала визгливо угрожать утопиться в колодце.

– А ну замолчите! – рявкнул с порога вошедший отец.

Он оглядел расшумевшихся детей и прищурил глаза, словно шум вызывал у него головную боль.

– Твои дети, ничего не поделаешь, – бросила Сара.

Это было ее единственным приветствием, после чего она сомкнула губы и не сказала ни слова. Отец бросил на Сару сердитый взгляд и вывалил на дощатый выскобленный стол принесенные им продукты. Я быстро прикинула про себя, на сколько хватит пятидесятифунтового мешка муки, пятигаллоновой банки сала, этих пакетов бобов. Сделаю суп, добавлю к капусте со свиной...

Я тревожно подняла голову, услышав резкий толчок в дверь. Отец широким шагом шел к своему старому пикапу. Снова уехал.

У меня екнуло сердце. Каждый раз, когда отец вот так бросал Сару, она вымещала досаду на ком-либо из нас или на себе. Иногда мне было трудно винить его за то, что он не хочет оставаться дома. Не только Наша Джейн и все мы действовали ему на нервы, но и Сара. Она лишилась внешней привлекательности и в обхождении стала неприятна.

Под самое утро чувствовалось приближение зимы. Белки носились, заготавливая зимние запасы, Том помогал дедушке подобрать подходящую древесину для ремесла, и это была непростая работа, поскольку требовались определенные сорта дерева, не очень твердые, но и не слишком мягкие, чтобы изделия не ломались.

Как-то мы с папой оказались во дворе вдвоем.

– Папа, – нерешительно заговорила я, – я делаю в семье все, что в моих силах. Ты можешь сделать для меня хотя бы одну вещь – хоть иногда сказать мне доброе слово?

– Я разве не говорил тебе, чтобы ты оставила меня в покое?! – Его сверлящий взгляд словно пронзил меня насквозь. Потом он повернулся ко мне спиной. – Марш отсюда, пока не получила по заслугам.

– И чего же я заслужила? – бесстрашно спросила я.

Мы встретились глазами, и мои глаза, несомненно, напомнили ему ту, которую он так внезапно потерял...

На веревках для сушки белья наподобие миниатюрных черных солдатиков сидели скворцы. С закрытыми глазами, сонные, нахохлившись, птицы предчувствовали наступление холодов и ждали, когда выглянет теплое солнце. Скоро в горах по ночам начнет выпадать снег.

Я вздохнула и стала складывать дрова в поленницу. Сколько бы мы ни готовились, все равно у нас в доме зимой не будет по-настоящему тепло. Среди нарубленных дров лежал топор. Я подумала, что отец пустил бы его в ход, скажи я ему еще хоть одно слово, и молча продолжила собирать и укладывать дрова.

– Этих дров, – обратился отец к Саре, показавшейся в двери, – вам хватит, пока я не приеду снова.

– И куда ты на этот раз, да так поздно? – громко спросила Сара. Она вымыла голову и привела себя в порядок. – Люк, женщине тоскливо и одиноко без мужчины, с одними детьми да стариками.

– Скоро увидимся! – крикнул ей в ответ отец, торопливо направляясь к пикапу. – Надо закончить работу, потом приеду домой и останусь на ночь.

Домой он не приезжал целую неделю. В один из вечеров, ближе к ночи, я сидела на ступеньках террасы и смотрела в затянутое тучами небо. От мрачных мыслей на душе было тошно. Уготовано же где-нибудь для меня место получше, не здесь же весь век жить... Вот крикнула сова, потом завыл одинокий волк. Ночь была наполнена гаммой звуков. Северный осенний ветер завывал и свистел между деревьями, бился в подрагивающие стены нашей лачуги. Мне представлялось, что он пытается сдуть ее, но люди, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться, отстаивали дом.

Я смотрела на месяц, выглядывавший время от времени из-за туч. Вот такой же месяц, думала я, висит сейчас и над Голливудом, и над Нью-Йорком, и над Лондоном, и над Парижем. Прикрывая глаза, я пыталась перенестись через горы и океан, потом, плотно зажмурившись, старалась увидеть свое будущее. Когда-нибудь у меня будет собственная настоящая кровать с подушками, набитыми гусиным пухом, и со стеганым атласным одеялом.

И будут у меня шкафы, полные платьев, которые я стану надевать только по одному разу, а потом сжигать их, как королева Елизавета, чтобы ни на ком больше не видеть эти туалеты. И будут у меня дюжины пар обуви, всех цветов, а есть я буду в модных ресторанах, где горят длинные тонкие свечи... Но пока я сижу на холодной ступеньке и слезы застывают у меня на щеках и ресницах.

Я начала дрожать и кашлять. Все равно не пойду в дом, не хочу ложиться в этой полной людей лачуге на пол между Фанни и Нашей Джейн. Том и Кейт спят чуть дальше, а уже за ними, на тюфяках, – бабушка и дедушка.

Все было более-менее тихо и спокойно, пока я не услышала шарканье стариковских ног. Хрипло дыша, с оханьем и стонами рядом со мной на ступеньке пристроилась бабушка.

– Застудишься до смерти в такую холодную ночь. Думаешь, твой папа пожалеет тебя? Тут лишь в могиле можно быть счастливой.

– Бабушка, ну как можно так ненавидеть меня? Почему ты не можешь вразумить папу, что я не виновата в смерти матери?

– Он знает, что не виновата, понимает в глубине души. Но если он признает это, ему надо будет признать и свою вину в том, что женился на ней, что привез девочку сюда, где ей было немого. Она старалась, ох как она старалась, делала все, что могла. Скребла, чистила, мыла, портя свои белые руки. Помню, как закидывала назад волосы, чтобы не мешали... Потом бежала к своему чемодану, где было полно всяких красивых штук, доставала кремы, натирала руки, чтобы сохранить их красоту и свежесть.

– Бабушка, ты знаешь, я не могу смотреть в этот чемодан и видеть ее красивые вещи. Что толку надевать эту одежду здесь, куда никто не приходит? А насчет куклы мне прошлой ночью приснился сон, будто она – это я, а я – она. Когда-нибудь я поеду в Бостон и отыщу семью своей мамы. Я считаю себя обязанной сообщить им, что случилось с их дочерью. Они ведь наверняка думают, что она живет себе и здравствует где-нибудь.

– Ты права. Сама я об этом не думала, но ты права. – Бабушка поощрительно обняла меня, но в ее худых руках совсем не было силы. – Ты молодец, настраиваешься на то, чего хочешь добиться, и добьешься.

Жизнь в горах доставалась бабушке тяжелее, чем любому из нас. Наверное, никто, кроме меня, не замечал, как трудно ей было вставать и садиться. Часто она останавливалась и хваталась рукой за сердце. Иногда ее лицо становилось мучнисто-серым, она задыхалась. Предлагать ей врача было бесполезно, бабушка не верила во врачей, не верила в лекарства,

за исключением тех, что сама готовила из корней и листьев трав, которые я собирала по ее указаниям.

Когда Сара стала угрюмой и мрачной, каждый день рядом с ней был как экзамен на выживание. Исключение составляли те, в которые я встречалась с Логаном. Один из таких дней выдался по-настоящему солнечным и теплым. Я увидела Логана у реки, а вдоль берега бегала Фанни – без клочка ткани на теле! Она хохотала, дразнила Логана и предлагала ему поймать ее.

– Поймаешь – и я буду твоей, вся буду твоей, – поддразнивала она его.

Я обомлела от поведения Фанни и, встав как вкопанная, стала наблюдать, что сделает Логан.

– Как тебе не стыдно, Фанни! – крикнул он ей. – Ты просто маленькая девчонка, заслуживающая хорошей порки.

– Вот поймай меня и выпори, – предложила Фанни.

– Нет, Фанни, – отрезал он. – И ты вообще не в моем вкусе.

Логан повернулся, чтобы направиться обратно в Уиннерроу, так мне, по крайней мере, показалось, и в этот момент я вышла из-за дерева, которое прятало меня от Логана. Он попытался улыбнуться, но улыбка получилась растерянной.

– Мне жаль, что ты видела и слышала все это. Я стоял, ждал тебя, когда появилась Фанни, она сбросила с себя платье, а под ним ничего не было... Я ни в чем не виноват, Хевен, клянусь тебе.

– Зачем ты мне это объясняешь?

– Но я не виноват! – выкрикнул он, покраснев.

– Да я и сама догадываюсь, что ты ни при чем, – успокоила я его.

Я знала Фанни и знала, что ей хочется лишиться меня всего самого дорогого. Однако, как я слышала, большинство мальчиков любят таких девочек, ведущих себя свободно, лишенных всякой скромности и внутренних тормозов, – как моя сестра Фанни, которая проживет десяток волнующих жизней, пока я буду бороться за одну.

– Эй, Хевен, – сказал Логан, подошел ко мне и приподнял мою опущенную голову, так что наши губы оказались рядом. – Вот кто в моем вкусе, вот кто мне нужен. Фанни симпатичная и смелая... Но мне нравятся девушки скромные, красивые и милые, и если мне не удастся когда-нибудь жениться на Хевен, то мне вообще никто не нужен.

Он поцеловал меня, и в голове зазвенело множество колокольчиков, словно это был свадебный звон колоколов, доносящийся из будущего.

Я – миссис Логан Грант Стоунуолл...

Внезапно я почувствовала себя очень счастливой. В некотором отношении Фанни была права. Жизнь продолжалась, шла вперед. Каждый должен иметь возможность жить и любить. Наступил мой черед.

Теперь на Сару нашла новая причуда: она разговаривала сама с собой, как в дурном сне.

– Надо бежать отсюда, бежать из этого ада, – бубнила она. – Ничего нет, кроме работы, еды, сна и ожиданий, когда он заявится. А придет – никакой радости, никакой...

Сара, что ты говоришь? Пожалуйста, не надо. Что мы будем делать без тебя!

– Своими желаниями я сама выкопала себе собственную могилу, – продолжала Сара на следующий день. – Надо было найти другого, надо было... Я уйду, а как дети?

Это она повторяла самой себе день и ночь. Потом смотрела на папу, когда тот приезжал на выходной день домой, и убеждалась, что он все расцветает («Проклятый», – ворчала Сара). Сердце у нее прыгало, в изумрудных глазах появлялся свет, а стрелки внутренних часов Сары крутились в обратную сторону, к тому времени, когда она была влюблена в него.

Однако было слишком заметно, что внутренний мирок Сары становился все темнее, все мрачнее. И основная часть ее раздражения переносилась на меня. Как-то вечером, изможденная трудным днем, я упала на свой тюфяк и стала беззвучно лить слезы в твердую подушку. Но бабушка услышала и положила мне на плечо руку, чтобы успокоить меня:

– Ш-ш, не плачь, детка. Думаешь, Сара не любит тебя? Нет, это твой папа сводит ее с ума, но его тут нет, а ты под рукой. Она не может ни крикнуть на него, ни стукнуть. Да и когда он здесь, тоже не может. Что толку от ее крика! Сара уж годы кричит, а Люку все равно. Ты же всегда под рукой, вот она и отыгрывается на тебе.

– Зачем же тогда он женился на Саре, бабушка, раз не любит ее? – всхлипывая, спросила я. – Чтобы привести мне мачеху, которая меня ненавидит?

– А бог их знает, этих мужчин, почему они такие! – Бабушка перевела дыхание и, обернувшись, протянула руку и погладила дедушку, которого она ласково звала Тоби. Поцеловав его и погладив по лицу, она дала ему больше любви, чем кто-то из нас когда-либо давал другому. – Тебе надо найти себе хорошего человека, как я вот нашла, и все. И подождать, пока не повзрослеешь, чтобы чувствовать по-настоящему. Скажем, лет до пятнадцати.

В горах девушка, достигшая шестнадцати лет и непомолвленная, считалась пропащей, обреченной остаться старой девой.

– Смотрите, шепчутся, – пробормотала себе Сара, наострив уши за своей выцветшей и потертой красной занавеской. – Обо мне говорят. А эта опять плачет. А чего я цепляюсь к ней, почему не к Фанни, вот от кого неприятностей-то. Он любит Фанни и терпеть не может эту. Но почему бы не к Фанни? Или Нашей Джейн, Кейту? А лучше к Тому.

Я глубоко вздохнула, со страхом подумав о том, что Сара начнет теперь придирается и отыгрываться на Томе.

И настал этот ужасный день, когда Сара вытянула Тома кнутом, словно хотела выместить на сыне свою обиду за то, что он не стал таким, как ей хотелось.

– Я тебе говорила, чтобы ты шел в город зарабатывать деньги? Говорила или нет?

– Мама, но никто не хочет брать меня на работу! Там берут ребят с маленькими тракторами, которые косят траву и собирают листья. Очень им нужен парень с гор, у которого и ручной-то косилки нет!

– На кой мне твои оправдания! Мне нужны деньги, Том, деньги!

– Мама, я попробую завтра! – воскликнул Том, поднимая руки и пытаясь закрыть лицо от ударов. – Мне ведь никогда не дадут работу, если у меня будут синяки и кровь на лице.

На мгновение утихнув, Сара опустила лицо и, к несчастью, посмотрела на пол. Том забыл вытереть ноги.

– Ты что, не видишь? Чистые полы! Я только что помыла их! Посмотри, во что ты их превратил!

Она своим тяжелым кулаком ударила Тома в лицо, и он отлетел к стене. С полки обрушился наш драгоценный горшок с медом, ударил его по голове и разбился. Липкая масса потекла по Тому.

– Спасибо большое, мама, – произнес Том с веселой улыбкой. – Теперь я могу наесться меда сколько влезет.

– Ой, Томми, – зарыдала Сара, которой сразу сделалось стыдно. – Прости меня... Не знаю, что в меня вселилось... Не надо ненавидеть маму, она любит тебя.

В нашем доме поселился кошмар в лице вздорной рыжей ведьмы. Этот кошмар начинался с первыми лучами солнца и не проходил, пока оно сияло в полном блеске. Гривастая, горластая, страшная, она не давала покоя ни нам, ни себе.

Стоял сентябрь. Скоро мы должны были снова идти в школу. В любой день у Сары мог появиться ребенок. Несмотря на повторяющиеся то и дело угрозы, Сара не думала уходить

из дома. Она надеялась, что сделает папе больнее, если заберет с собой похожего на него темноволосого сына. Отец же все больше и больше времени проводил в городе.

Для нас все часы слились воедино, они были менее ужасные, чем ад, но бесконечно далекие от рая. За лето все мы вытянулись; выросли и наши внутренние запросы, мы стали задавать себе все больше вопросов. Ребенок, который должен был вот-вот родиться, все сильнее и требовательнее бился в животе у Сары. Самые же старшие из нашего семейства, наоборот, становились все слабее, спокойнее и почти ни о чем не просили.

Близилось нечто новое. Это нечто заставляло меня ворочаться и метаться всю ночь, так что, вставая утром, мне казалось, будто я совсем не спала.

Горький сезон

В первый день занятий в школе Логан ждал меня на полпути спуска в долину. В горах становилось свежо, но в долине было еще тепло и приятно. Мисс Дил осталась у нас преподавателем, поскольку школьный совет разрешил ей вести и дальше наш класс. Я все так же была очарована ею, только на уроках меня то и дело куда-то уводили мысли...

– Хевен Ли, – окликнул меня милый голос мисс Дил, – ты опять спишь средь бела дня?

– Нет, мисс Дил, я не сплю в классе, только дома.

И почему все хихикают при такого рода замечаниях в мой адрес?

Меня тянуло в школу, где я могла каждый день видеть Логана, знать, что он будет провожать меня домой, держа за руку, и с ним можно будет забыть обо всех проблемах, которые преодолевают меня в нашей хижине.

Домой мы шли рядом, обсуждая наши планы на будущее. Том шел вместе с Нашей Джейн и Кейтом, а Фанни отстала, сопровождаемая своими друзьями.

Мне надо было присматривать за хозяйством и не забыть, что скоро в горах ударит морозец и дождевая вода в бочках может замерзнуть. Всем нам требовалась новая верхняя одежда, новые свитера и обувь, но денег на это не было.

Логан, держа за руку, часто поглядывал на меня, словно не мог наглядеться. Мы прогуливались неспешным шагом. Наша Джейн с Кейтом прыгали, веселились, а Том побежал посмотреть, как там Фанни.

– Ты ничего не говоришь мне, – обиженным тоном произнес Логан, приглашая сестру на поваленное бревно. – Сейчас мы подойдем к дому, ты убежишь вперед, обернешься, помажешь мне рукой. Я так никогда и не увижу изнутри твой дом.

– Нечего там смотреть, – ответила я, потупив глаза.

– Ничего тут такого нет, чтобы стесняться, – тихо промолвил он, пожимая мне пальцы. – Если ты собираешься остаться в моей жизни, а я не могу представить ее без тебя, когда-нибудь ты должна будешь ввести меня в свое жилище, правильно?

– Когда-нибудь... когда буду посмелее.

– Смелее тебя я никого не видел! Хевен, в последнее время я очень много думал о нас с тобой, о том, как хорошо нам вместе и как скучно тянутся часы, когда тебя нет рядом. Когда я закончу колледж, я собираюсь быть ученым, хорошим ученым, разумеется. Тебе интересно было бы проникать в тайны жизни вместе со мной? Мы могли бы работать в одной связке, как мадам Кюри с мужем. Тебе нравится такая перспектива?

– Конечно, – не раздумывая ответила я. – Но не скучно ли это – просиживать в лаборатории изо дня в день? А может быть, лучше лаборатория на свежем воздухе?

Логан подумал, что я дурачусь, и крепко обнял меня. Я обхватила его рукой за шею и прижалась щекой к его щеке. Сидела бы и сидела в таком положении.

– У нас будет стеклянная лаборатория, – произнес он низким, хрипловатым голосом. Наши губы были совсем рядом. – С множеством растений... Это тебя устроило бы?

– Да... Думаю, что да...

Он опять поцелует меня? Если мне наклонить голову немного вправо, снимет это проблему его носа, почти упирающегося в мой?

Если я не умела целоваться, то Логан-то умел. Было так сладко, что щемило душу. Но когда я оказалась дома, все мои восторги исчезли в бушующем море злых страстей Сары.

В эту субботу утро выдалось ярче и теплее, чем обычно, и, желая избежать гнева Сары, мы с Томом пошли встретиться с Логаном, прихватив с собой Нашу Джейн и Кейта.

Не успели мы прийти на речку, где собирались ловить рыбу, как раздался зычный голос Сары, призывающий нас обратно домой.

– До свидания, Логан! – крикнула я с горечью. – Мне надо идти, я понадобилась Саре! Том, ты оставайся и присмотри за Нашей Джейн и Кейтом.

Логан был заметно расстроен. Мне пришлось поспешить в ответ на приказание Сары постирать белье, вместо того чтобы попусту убивать время со своими друзьями, которые ничего хорошего мне не принесут, только жизнь сломают, и нечего мне играть в игрушки и веселиться, в то время как она ни сидеть, ни стоять не может, а работы непочатый край. Чувствуя себя виноватой в том, что отлучилась на несколько минут, я поставила корыто на скамейку, принесла горячей воды с печки и начала стирать на старой доске. Через открытое окно – чтобы выходил дым от печи – я слышала, как Сара разговаривает с бабушкой.

– Я всегда думала, как здорово жить в горах. Чувствовала себя гораздо свободней городских девиц, которым до шестнадцати лет и дольше надо подавлять инстинкты. В школу я ходила только три года, ничему почти и выучиться не успела. Не любила я эти разные чистописания, чтение, ничего не любила, кроме мальчиков. Фанни – во, это я, никакой разницы. Любила я глазеть на ребят. Когда увидела первый раз твоего сына, у меня сердце так и екнуло, так и запрыгало – тук-тук, тук-тук. Он был уже почти мужчина, а я ребенок. Бывало, не пропускала ни одних танцев, на все ходила, слышала, как твой Тоби на скрипке играет, смотрела, как твой сын танцует со всеми смазливими девочками, и что-то мне подсказывало, что хоть умри, но я должна получить этого Люка Кастила.

Сара сделала передышку. Я сунула нос в окно и увидела, что по ее красному лицу катятся слезы.

– Потом Люк едет в Атланту, встречает эту городскую девицу и женится на ней. Я посмотрела в зеркало на свое лицо – у меня было грубое, лошадиное, не сравнить с ее. А все равно – женат не женат, мне так его хотелось, Энни, Люка Кастила... Думала, пойду на что угодно, только бы заполнить его.

Дедушка, покачиваясь на своей качалке, возился с деревом и выглядел отрешенным. Бабушка тоже покачивалась и словно не слушала Сару.

– Люк даже не смотрел в мою сторону, – продолжала Сара. – Но я решила, что достану его.

Я стирала грязное белье и одежду, а сама наострила уши, чтобы ничего не пропустить. Поблизости от меня находилась бочка с дождевой водой, в которой жили лягушки. Выстиранное мною белье болталось на веревке. Я еще раз заглянула внутрь. Сара возилась возле печки, она резала бисквиты и монотонно продолжала говорить, словно у нее была необходимость выговориться, – и лучшего слушателя, чем бабушка, ей было не найти. Бабушка не задавала вопросов, а просто воспринимала все так, как ей рассказывают, резонно считая, что замечаниями и вопросами ничего не изменишь.

Я вся напряглась и постаралась держаться как можно ближе к окошку.

– Я все в ней ненавидела, хрупкая вся такая, он называл ее «мой ангел». Ненавидела, как ходит, ненавидела, как говорит, – как будто она лучше нас. А Люк вился вокруг нее, как осел. Мы все думали – подождем, успеем, а тут она попалась, ну, думаем, надо же ему кого-то прижать на стороне, но он на нас и не смотрел. А, подумала я, поймаю его так или сяк. К ней ему нельзя было... В общем, поимел он меня три раза. И случилось то, о чем я молилась. Он сделал мне ребенка. Люк не любил меня, я знала, может, даже я совсем не нравилась ему. Он мучился со мной, а однажды, лежа на мне, назвал меня ангелом. Когда я сказала ему, что будет ребенок, он стал совать мне деньги. Я уже думала выйти за другого, как эта городская сделала мне подарок – умерла...

Ой-ой-ой! Как же это ужасно с ее стороны – радоваться смерти моей матери!

Сара говорила своим ровным, бесстрастным голосом. Мне стало слышно, как до того еле поскрипывающее дедушкино кресло стало скрипеть громче и громче.

– Когда он пришел ко мне и предложил выйти за него, чтобы у ребенка был отец, я думала, за месяц-другой он забудет ее, но нет. И сейчас не забыл. Я делала все, чтобы он полюбил меня, Энни, честное слово. Я была добра к его Хевен. Дала ему Тома, Фанни, Кейта, Нашу Джейн. Не имела ни одного мужчины, как вышла за него. И не буду, если только он полюбит меня, как ее любил. Но не полюбит. А я не могу больше разговаривать с ним, он не слушает. Вбил себе в голову что-то сумасбродное и слушать меня не хочет, когда я пытаюсь отговорить его. Он хочет бросить нас всех очень скоро. Бросить меня здесь, чтобы я мыла, чистила, готовила, убирала, мучилась... И ухаживала еще за одним малышом. Я бы осталась тут навеки, если бы он полюбил меня. Но когда он распускает руки, кричит, обзывает, все это копится в сердце. Говорит, я ломаю ему жизнь, делаю из него злого, противного зверя, который бьет своих собственных детей... Хотел бы, чтобы это были ее дети, а не мои. Я знаю. По глазам вижу. Никогда он не полюбит меня, я ему никогда даже не понравлюсь хоть чуть-чуть. Ничего ему во мне не нравится. У меня было такое крепкое здоровье – он его отнял. Господи, все отнял!

– Сара, зачем ты так говоришь? Ты выглядишь вполне здоровой.

– Никогда не думала, что мертвая жена заберет в могилу его сердце, никогда не думала, – хрипло шептала Сара. Она будто не слышала слов бабушки. – Не нужен он мне больше, Энни. Ничего мне не нужно. Даже мои собственные дети. Я просто убиваю время...

Меня охватила паника. Что она имеет в виду? Я даже перегнулась через корыто, и ребро стиральной доски больно врезалось в тело.

На следующий день Сара снова ходила по дому, бубня про себя. Но слышно было и тем, кто не хотел услышать.

– Надо бежать отсюда, бежать из этого ада. Ничего нет, кроме работы, еды, сна и ожиданий... ожиданий, когда он заявится. А придет – ни радости, ни счастья, ни удовлетворения.

Эту фразу она повторяла уже в тысячный раз. Подготовка шла так долго, что я думала, этого никогда не случится, хотя видела кошмарные сны: Сара убита, вся в крови. Видела отца в гробу, с простреленным сердцем. Много раз я вдруг просыпалась: мне казалось, что я слышала выстрел. Я испуганно озиралась по сторонам, и мне в глаза бросались три длинных ружья, висящие на стене, и я снова вздрагивала. Убийство, тайное захоронение – это было частью уклада горной жизни, рядом с которой всегда ходила смерть.

Потом наступил день, в нервном ожидании которого мы проводили все последнее время. Это было воскресное сентябрьское утро. Я встала рано, поставила греть воду, чтобы мы могли слегка помыться, перед тем как идти в церковь. Из спальни вдруг донеслись громкие, резкие, полные боли стоны.

– Энни, идет! Энни, это черноволосый сын Люка идет!

Бабушка забежала прихрамывая, засуетилась, но видно было, что она с трудом преодолевала боль в ногах. Бабушка тяжело хватала ртом воздух, поэтому моя помощь была более чем необходима. По тому, как болезненно шли роды, бабушка, кажется, почувствовала, что они будут необычными и более сложными, чем все предыдущие. Том побежал искать отца, чтобы привести его домой, дедушка неохотно встал со своей качалки и поплелся в сторону речки, а Фанни я наказала забрать Кейта и Нашу Джейн и присмотреть за ними поблизости от дома. Сара и бабушка крайне нуждались в моей помощи. На сей раз работа заняла куда больше времени, чем в тот раз, когда на той же самой кровати, где все мы родились, появилась на свет Наша Джейн. Обессиленная, бабушка упала в кресло и, тяжело дыша, стала руководить мной. Я вскипятила воду и простерилизовала нож для перерезания пуповины и все старалась остановить кровь, которая хлестала из Сары, как красная река смерти.

Отец находился во дворе, там же ждали Том, Кейт и Наша Джейн, а Фанни исчезла. Лицо у Сары побелело как бумага. Наконец после нескольких часов потуг сквозь кровь появился младенец и стал медленно выходить. И вот он лежал передо мной, синюшный и странный на вид.

– Мальчик?.. Девочка? – тяжело дыша, спросила бабушка. Голос ее был тонок и слаб, как ветерок, долетавший до нашей занавески. – Детка, скажи, сын? На Люка похож?

Я не знала, что ответить.

Сара приподнялась посмотреть на новорожденного. Она вглядывалась и вглядывалась, пытаясь убрать с лица намокшие от пота волосы. К ней вернулся цвет лица, словно у нее имелись запасные галлоны крови. Я осторожно перенесла ребенка к бабушке, чтобы она пояснила, что за ребенок родился.

Бабушка посмотрела на то место, где должен быть половой орган, но ни она, ни я ничего не увидели.

Я, потрясенная, не могла поверить своим глазам, увидев ребенка, у которого между ножками ничего не было. Но какое имело значение, мальчик это или девочка, если ребенок был мертв и у него отсутствовала верхняя часть головы? Ребенок-урод, весь в кровотокающих ранах.

– Мертворожденный! – вскрикнула Сара.

Она соскочила с кровати, выхватила ребенка из моих рук, прижала его к себе, поцеловала с десятков раз и только потом закинула голову и застонала, завывала от горя, как горный волк на луну.

– Это Люк и его проклятые шлюхи!

Вне себя от гнева, она, как фурия, бросилась туда, где во дворе стоял отец, грубо обозвала его, а потом сунула ему в руки ребенка. Он аккуратно взял ребенка, потом с ужасом уставился на него, не веря своим глазам.

– Смотри, что ты наделал! – гремела Сара, стоя в одной рубашке, которая была вся в пятнах после родов. – Ты, твоя дрянная кровь и твои сучьи повадки убили твоего собственного ребенка! Да еще сделали его уродом!

Отец тоже разразился криком:

– Мать – ты! Ты рождаешь – с тебя и спрос, я-то тут при чем!

Он бросил мертвого на землю, потом велел дедушке организовать нормальные похороны, пока свиньи и собаки не добрались до ребенка. Затем, стремительно направившись к пикапу, сел в него и уехал в Уиннерроу заливать свои горести (если он действительно горевал). Потом отец, несомненно, поплетется в «Ширлис плейс».

О, что же за страшное воскресенье выпало тогда! Мне пришлось купать в тазу мертвого ребенка и готовить похороны, а бабушка в это время занималась Сарой, которая неожиданно совсем лишилась сил, обмякла и начала плакать, как сделала бы любая женщина на ее месте. Не стало той воинственной и сильной амазонки, осталась лишь несчастная мать, пережившая утрату. Став на колени, захлебываясь слезами, Сара спрашивала Бога, почему ребенок должен был пострадать за грехи своего отца.

Я думала об этом бедненьком созданище, смывая кровь и родовые воды с его неподвижного тельца. Можно было не держать эти полголовы над тазиком, но я делала все, как положено. Потом я натянула на него одежду, которую носили Наша Джейн и Кейт, а может быть, и Фанни, и Том, и я тоже.

Сара, упав ничком на грязную кровать, судорожно впивалась пальцами в матрас и плакала так, как никогда до сих пор при мне не плакала.

Пока я возилась с мертвым новорожденным, мне некогда было взглянуть на бабушку. Спустя некоторое время я бросила на нее два-три раза взгляд, обратив внимание, что она не вяжет, не вышивает, не плетет, не штопает и даже не раскачивается. Она просто сидела

с полузакрытыми глазами, и на ее тонких губах застыла слабая улыбка. Меня эта улыбка напугала. Бабушка должна была бы выглядеть горестной и подавленной.

– Бабушка, – прошептала я в испуге и, оставив чистого и одетого новорожденного, подошла к ней, – с тобой все в порядке?

Я тронула ее, и она сдвинулась в сторону. Я потрогала ее лицо – оно уже холодело, мышцы затвердевали.

Бабушка умерла!

Умерла, не перенеся то ли рождения мертвого уродца, то ли многих лет жестокой борьбы за выживание. Я зарыдала и почувствовала болезненный толчок в сердце. Встав на колени, прижалась к ней:

– Бабушка, когда ты попадешь на небеса, скажи моей маме, что я стараюсь, очень стараюсь быть похожей на нее. Скажи ей, пожалуйста, хорошо?

В дверях послышались шаркающие шаги.

– Ты что там делаешь с моей Энни? – раздался дедушкин голос.

Он ушел на речку в начале родов, чтобы избежать того, чего мужчины всегда стараются избежать, полагая, что их обязанность достойно исчезнуть и появиться только после родов. Мужчины в горах предпочитали уйти подальше от страдальческих криков рожениц, а потом еще говорить, что роды прошли легко!

Я подняла голову. По моим щекам катились слезы. Я не знала, как ему сказать.

– Дедушка...

Его блекло-голубые глаза широко раскрылись, когда он взглянул на бабушку.

– Энни... у тебя все нормально? Вставай, Энни... Ты что не встаешь?

Конечно, он понял все по ее закатившимся глазам. Он пошатнулся, вся его живость мгновенно покинула его, словно ушла вместе с его лучшей половиной. Я отстранилась, а он, встав на колени, прижал бабушку к сердцу.

– Ах, Энни, Энни... – всхлипывал дедушка, – сколько прошло с тех пор, как я сказал, что люблю тебя... Ты слышишь меня, Энни, слышишь? Ну как же ты так? Куда же я без тебя? Вот не думал, что все так обернется, Энни...

Невозможно было без боли смотреть на его страдания, на его горе от потери хорошей и преданной жены, которую он знал с четырнадцати лет. Как странно, что я никогда больше не увижу их вместе, прижавшихся друг к другу на тюфяке, не увижу, как его голова лежит на ее раскинувшихся по подушке седых волосах...

Нам с Томом пришлось отрывать дедушкины руки от бабушки. Сара все это время лежала на спине и безжизненными глазами смотрела на стену, по ее щекам текли слезы.

На похоронах все мы плакали, даже Фанни, только Сара стояла как деревянная – с безжизненным взглядом.

Отец не пришел.

Вусмерть пьяный, он, видимо, сидел в «Ширлис плейс», а здесь хоронили его ребенка и мать.

Преподобный Уэйленд Вайс пришел вместе со своей сухощавой женой Розалин, чтобы сказать несколько слов о женщине, которую все любили.

Никто из наших родственников не ушел в землю без должных похорон. И на проводах на небеса старой женщины и мертворожденного младенца были сказаны хорошие слова.

– Бог дал, Бог взял, – проникновенно говорил преподобный Вайс. Он поднял голову к солнцу. – Господи Боже, услышь мою молитву. Прими эту любимую жену, мать, бабушку и истинно верующую вместе с этой крошечной душой на небеса. Открой пред ними, широко распахни жемчужные врата Твои! Впусти в них эту христианскую женщину, Господи, и это

дитя, Господи, потому что она была честной, простой, верующей, а ребенок невинен, чист и безгрешен.

Домой мы шли гуськом, продолжая лить слезы.

Соседи из горных избушек пришли к нам домой разделить с нами потерю Энни Брендиуайн Кастил. Они посидели с нами, попели наши песни, потом помолились вместе с нами. Когда все это закончилось, заиграли гитары, банджо и скрипки, принесли самогон и закуски.

На следующий день, когда поднялось солнце, мы с Томом снова пошли на кладбище, постоять у свежей бабушкиной могилы и другой, маленькой, чуть ли не в фут длиной. У меня заныло сердце, когда я увидела надпись: «Ребенок Кастил». Похоронен он был рядом с могилкой моей матери. Даты на могильной плите не было.

– Не смотри туда, – прошептал Том. – Твоя мама похоронена давно, а сейчас траур по бабушке. Знаешь, пока ее кресло не опустело, я не понимал, как много она значила для нас. А ты понимала это?

– Нет, – прошептала я, и мне стало стыдно. – Я просто принимала ее существование как должное, словно она будет жить всегда. Нам надо позаботиться о дедушке, он сейчас такой потерянный, такой одинокий.

– Да, – согласился Том, взял меня за руку и повел от печального места. – Надо ценить дедушку, пока он с нами, а не беречь нашу любовь на день похорон.

Через неделю приехал отец, грустный и на вид трезвый. Он усадил Сару на стул, на другой сел сам и натянутым голосом повел разговор. Мы с Томом слонялись за окном и старались подслушать, о чем они говорят.

– Я ходил в город показаться врачу, Сара, вот где я был. Он сказал мне, что я болен, по-настоящему болен. Сказал, что я передаю болезнь другим и что я должен все прекратить или мне будет совсем плохо и я рано умру. Сказал еще, что мне нельзя иметь половые отношения с женщинами, даже с женой. Еще сказал, что надо делать уколы от этой болезни. Но у нас нет таких денег.

– Так что у тебя? – требовательным, но холодным, непроницаемым, без тени сострадания голосом спросила Сара.

– У меня сифилис на первой стадии, – признался отец, и голос его прозвучал необычно глухо. – Ты не виновата, что лишилась ребенка, это я виноват. Так вот, я тебе сказал сейчас все, и на этом кончили. Мне очень жаль, прости.

– Поздно жалеть! – закричала Сара. – Поздно, ребенка уже не воротить! Когда ты убил моего ребенка, ты убил и свою мать! Ты слышишь это? Твоя мать умерла!

Даже я, которая ненавидела его, была потрясена тем, как это выложила Сара, потому что если отец кого и любил, кроме себя, то это бабушку. Я слышала, как он шумно втянул в себя воздух, потом раздалось подобие стоны, и он обмяк на стуле, затрещавшем под ним. Сара даже остановила свое истязание.

– Ты там играл, а я сидела здесь все время, только и думая о том, чтобы быть тебе нужной. Я ненавижу тебя, Люк Кастил! Особенно за то, что ты все держал в памяти умершую женщину, которую давно пора было бы выбросить из головы!

– Ты пошла против меня? – с горечью спросил он. – Теперь, когда умерла мама, а я заболел?

– Ох, как ты прав! – воскликнула она, вскочила со стула и стала бросать в картонную коробку его одежду. – Забирай свою паршивую вонючую одежду! А теперь катись! Катись, пока ты всех нас не заразил! Видеть тебя больше не хочу! Никогда!

Он встал, жалкий, оглядел лачугу, словно ему не суждено было снова увидеть ее, и мне стало страшно, так страшно, что я вся задрожала. Отец подошел к дедушке, остановился и нежно положил руку ему на плечо:

– Прости, папа, мне очень жаль, что я не был на ее похоронах.

Дедушка ничего не ответил, только еще ниже опустил голову, и слезы медленно показались из глаз, падая на колени.

Я наблюдала за отцом до тех пор, пока он не сел в свой старый пикап и не поехал, взметая сухую грязь и сухие листья. Пыльный вихрь потянулся за автомобилем. Отец уехал, забрав с собой собак. У нас остались только кошки, которые охотились для себя.

Когда я побежала сказать Саре, что отец вправду уехал, забрав на этот раз с собой и собак, она заплакала в голос и медленно опустилась на пол. Я встала рядом с ней на колени:

– Мама, ты этого хотела, да? Ты же его выгнала. Ты сказала, что ненавидишь его. Чего же ты теперь плачешь? Поздно.

– Замолчи ты! – в худшем папином стиле закричала она на меня. – Плевать! Лучше так. Лучше так? Чего же тогда она плачет?

С кем мне было поговорить теперь, как не с Томом? С дедушкой – нет, я его никогда так не любила, как бабушку. Главным образом потому, что он заперся в своем маленьком мирке и не пускал туда никого, кроме жены, а ее не стало.

Каждое утро я помогала ему за столом, пока Сара была в кровати. И каждый вечер тоже. Я спрашивала деда, чем я могу еще помочь ему, пока он не привыкнет обходиться без жены.

– Твоя Энни ушла на небеса, дедушка. Она много раз наказывала мне, чтобы я ухаживала за тобой, когда ее не будет. Вот я и ухаживаю. И еще, дедушка, вот что. Теперь у нее ничего не болит, и в раю она может есть, что ей угодно, и не будет испытывать боли после каждой еды. Она это заслужила, дедушка, правда?

Бедный дедушка. Он не мог говорить. Слезы лились из его поблекших и уставших глаз. Поев немного, он с моей помощью шел в бабушкино кресло. Там были лучшие подушки, которые помогали ей легче переносить боли в костях ног и суставах.

– Больше некому теперь звать меня Тоби, – печально сказал он как-то.

– Я буду звать тебя Тоби, – тут же нашлась я.

– И я, – добавил Том.

После смерти бабушки дедушка сказал мне больше, чем я до этого слышала от него с самого своего рождения.

– Господи, до чего скучная жизнь пошла! – воскликнула Фанни. – Если тут еще кто-нибудь умрет, я сваливаю отсюда!

Сара подняла на нее глаза и долго-долго смотрела, потом ушла в другую комнату, и я услышала, как заскрипели пружины, протестуя против обрушившегося на них веса, и снова раздался плач.

Когда дух бабушки оставил нашу хибару, любовь, которая держала нас вместе, похоже, ушла вслед за ней.

В тупике

Когда все заснули, я первый раз после того, как бабушка открыла мне секрет моего рождения, пробралась на цыпочках к тайнику, где был спрятан чемодан моей матери. Я извлекла его из-под ящиков с хламом и, спрятавшись за «старой дымилой», чтобы Фанни, проснувшись, не увидела, достала из чемодана куклу.

Волшебно-красивую куклу-невесту, которая воплощала для меня маму.

Я долго держала в руках этот плотный сверток и вспоминала ту зимнюю ночь, когда бабушка впервые вручила его мне. Много раз после этого я подходила к чемодану, гладила его, трогала лежащие в нем вещи, но никогда не разворачивала куклу. Не раз мне хотелось полюбоваться хорошеньким личиком и милыми светлыми волосами, но я боялась разбудить в себе сострадание к моей маме, заслуживавшей лучшей доли. В ушах зазвучали бабушкины слова, как будто мне их нашептывал добрый дух:

«Давай, давай, детка. Пора тебе как следует посмотреть, что тут лежит. Я давно думала, почему бы тебе не поиграть с куклой и не поносить эти красивые платья».

Я почувствовала щекотание бабушкиных тонких волос на своем лице и ощутила холодный зимний ветер. Развернув красивую куклу-невесту, я вгляделась в ее лицо, освещенное отсветами пламени. Ах, как мила она была в своей вуали и великолепном белом кружевном платье с крошечными пуговичками, доходившими до самого подбородка, в белых прозрачных чулочках с атласными подвязками, в атласных туфельках с кружевами (их можно было снимать и надевать). Кукла держала в руках крошечную бело-золотую с оранжевым Библию.

Даже белье было выполнено в самом изысканном стиле. Миниатюрный лифчик закрывал крепкие малюсенькие грудки, а там, где у всех кукол ничего не было, обозначалось крошечное раздвоение.

Почему эту куклу сделали похожей на человека? Какую роль в жизни мамы играла кукла? Когда-нибудь я выясню эту тайну. Я поцеловала крошечное кукольное личико и совсем близко увидела васильковые глаза с зеленой и серой крапинками – как у меня! Вылитые мои глаза!

Утром, когда Фанни ушла к подруге, а Том повел Кейта и Нашу Джейн ловить рыбу, я вспомнила, как бабушка рассказывала, что отец хотел порубить и порезать все оставшееся от мамы, поэтому она спрятала чемодан со всем содержимым. Теперь я лишилась бабушки, связывающей меня, как никто другой, с прошлым. Отец со мной так не поговорит, как она. А дедушка, наверное, и не заметил, что была такая девочка, которую его сын называл ангелом.

Когда вернулся Том, я позвала его:

– Смотри, Том, вот кукла, которая принадлежала моей настоящей матери. Кукла-невеста – миниатюрная копия моей мамы, когда ей было столько же, сколько мне сейчас. Смотри, что написано на ступне.

Я протянула Тому уже аккуратно одетую куклу – только ножки остались обнаженными, чтобы он смог прочесть надпись: *«Производитель Таммертон. Куклы с оригинала»*.

– Надень чулки и туфли и быстро спрячь куклу, – прошептал Том. – А то придут Фанни и Наша Джейн с Кейтом. И лицо приведи в порядок. Не хватало, чтобы Фанни узнала и испортила такую красоту.

– А ты как будто и не удивлен!

– Конечно, я давно наткнулся на это. Бабушка сказала мне, чтобы я положил все на место... Давай побыстрее, пока Фанни не заявилась.

Смахнув слезы со щек, я торопливо надела кукле чулки и туфельки и только успела завернуть чемодан в старое тряпье и запихнуть его под хлам, как появилась Фанни.

– Ты все еще по бабушке плачешь? – поинтересовалась сестра, которая умела мастерски изобразить горестные переживания, а в следующий миг могла уже всю смеяться. – Ей там лучше, честное слово, чем здесь она сидела целыми днями, ничего не делала, а только жаловалась да болела. Везде лучше, чем здесь.

Кукла компенсировала мне многое – и притеснения со стороны Сары, и болезнь отца, и тот факт, что я уже неделю не видела Логана. Где он? Почему не ждет меня после школы и не провожает домой? Почему не подошел и не выразил соболезнования по поводу бабушки? Почему он и его родители не ходят больше в церковь? Сам целовал меня – и вот она, его преданность.

А потом я догадалась: его родители узнали о болезни моего отца и не хотят, чтобы их единственный сын встречался с какой-то там оборванкой с гор. Хотя у меня и нет сифилиса, все же я неподходящая компания их сыну.

Я прогнала неприятные мысли. Лучше думать о кукле и о тайнах моей мамы. Зачем, интересно, ей понадобилось в таком возрасте делать эту куклу – свою копию?

Ходить в церковь нам могла помешать только смерть. Мы гордо вышагивали, одетые в свое старье, во главе с Сарой. Теперь, когда не было отцовской машины, нам пришлось добираться в церковь пешком. Я держала в своей ладони крупную высохшую ладонь дедушки и буквально тащила его за собой, как тащила и Нашу Джейн, которую за другую руку вел Кейт.

Все головы в церкви повернулись в нашу сторону, словно семейство с такой массой неприятностей неизбежно должно состоять из отпетых грешников.

Когда мы вошли, в церкви пели. Пели красиво. Конечно, многие имеют возможность ходить в церковь три раза в неделю, а мы только по воскресеньям.

Откройся, камень вековой,
Дай мне укрыться за тобой...

Укрыться – как это точно сказано! Нам надо бежать от людей и укрываться до тех пор, пока не вылечится отец, пока к Саре не вернется смех, пока Наша Джейн не кончит плакать по бабушке, которая теперь далеко и не гладит ее больше по головке. Но нет того места, где можно укрыться.

На следующий день в школе возле моего шкафчика для одежды возник Логан. Глаза его улыбались, но губы были плотно сжаты.

– Ну как, ты скучала по мне эту неделю, пока меня не было? Я хотел тебе сказать, что заболела моя бабушка и мы летали навестить ее, но у меня не оставалось времени до отлета самолета.

Я не отрываясь смотрела на Логана:

– И как твоя бабушка сейчас?

– Отлично. У нее был легкий сердечный приступ, но, когда мы уезжали, ей было уже лучше.

– Очень хорошо, – промолвила я сдавленным голосом.

– Я что-то сказал не так? Нет, я что-то действительно сказал не так! Хевен, разве мы не поклялись быть честными и откровенными друг с другом? Почему ты плачешь?

Я опустила голову и рассказала ему о бабушке, и Логан нашел нужные слова утешения. Он обнял меня за плечи, и я поплакала немного. Потом мы пошли по нашей тропинке к дому.

– А как твоя мачеха, еще не родила? – спросил Логан, явно довольный тем, что мои братья и сестры далеко и не мешают нам разговаривать.

– Ребенок родился мертвым, – понуро ответила я. – В тот же день умерла бабушка... Представь, в каком мы были состоянии, потеряв в один день сразу двух человек.

– Тогда я понимаю, почему ты так отреагировала, когда услышала, что моя бабушка поправилась. Мне очень жаль, ужасно жаль. Когда-нибудь меня, надеюсь, научат, что надо говорить в такие моменты. А сейчас я не могу подобрать подходящие слова... Разве только могу сказать, что любил бы твою бабушку, как ты.

Да, похоже, Логан полюбил бы мою бабушку, пусть даже она не пришлась бы ко двору его родителям. Как и дедушка не пришелся бы...

На другой день мисс Дил сделала мне знак остаться после уроков на несколько минут.

– Сходи за Нашей Джейн и Кейтом, – шепнула я Тому, собираясь войти в класс мисс Дил.

Мне не терпелось увидеть Логана и очень хотелось избежать разговора с учительницей, задающей иногда слишком много вопросов, на которые я не знала, как ответить и стоило ли вообще отвечать.

Вначале мисс Дил некоторое время рассматривала меня, словно заметила, как и Логан, какие-то изменения во мне. Я знала, что у меня под глазами появились тени, знала, что похудела, но что еще она могла обнаружить?

– Ну, как у тебя идут дела? – спросила мисс Дил, заглядывая мне в глаза, будто хотела помешать мне соврать.

– Отлично.

– Хевен, я слышала о твоей бабушке и весьма опечалена, что ты потеряла любимого человека. Я часто вижу тебя в церкви, поэтому знаю: ты так же глубоко веруешь, как верила твоя бабушка, и веришь в бессмертие наших душ.

– Хочу верить, что... Да, я верю...

– Все верят, – ласково сказала мисс Дил, накрыв мою руку своей.

Тяжко вздохнув, я постаралась сдержать слезы. Я не знала, что могли наговорить ей другие, мне не хотелось выглядеть болтушкой, не хотелось и выказывать неуважение к своему семейству. Но надо было говорить.

– Бабушка умерла. Думаю, сердце не выдержало. – Не успела я это произнести, как у меня выступили слезы. – Сара родила ребенка, мертвого и бесполого. Папа ушел. За исключением этого, все хорошо.

– Бесполого... Хевен, все дети имеют пол.

– Я и сама раньше так думала, пока не увидела этого. Я помогала при родах. Только не говорите никому ни слова: Саре будет очень неприятно, если узнают другие. Но у ребенка правда не было половых органов.

Мисс Дил побледнела:

– О, прости, что я оказалась настолько бестактна. До меня дошли кое-какие слухи, но я всегда стараюсь не обращать внимания на них. Конечно, бывает, что природа выделяет странности. Но поскольку все дети твоего отца такие красивые, я думала, что мама принесет еще одного красивого малыша.

– Странно, мисс Дил, что вы не слышали обо мне... Сара не мать мне. У моего отца была еще одна жена. Так я – дочь от первой жены.

– Я знаю, – прошептала мисс Дил низким голосом. – Я слышала о первой жене твоего отца, какой она была милой и как рано умерла. – Мисс Дил вспыхнула, ей стало не по себе: она начала снимать со своего дорогого вязаного костюма отсутствующие пылинки. – Я пола-

гала, ты очень любишь свою мачеху и тебе нравится делать вид, будто она твоя настоящая мать.

– Нравилось, – поправила я ее. Потом улыбнулась. – А теперь мне пора бежать, а то Логан пойдет провожать другую девочку. Спасибо вам, мисс Дил, за ваше дружелюбие, за то, что вы растили нас в школе, за то, что дали нам с Томом поверить в себя. Вы знаете, мы с Томом только сегодня утром говорили, что в школе было бы скучно без чудесной мисс Дил.

Глаза у мисс Дил повлажнели. Усмехнувшись, она пожала мне руку:

– Ты с каждым днем все хорошеешь, Хевен. Но тебе уже сейчас надо определиться со своей целью. Только не разменивай ее на ранний брак, как это бывает с другими девушками.

– «Ты не бойся, своего не упущу!» – пропела я слова популярной песенки, отступая к двери. – В один прекрасный день, когда мне уже стукнет тридцать, я все-таки войду на кухню какого-нибудь мужчины, чтобы испечь ему бисквитов, постираю ему белье и каждый год буду приносить по ребенку – но не раньше! – И я выскочила из классной комнаты и побежала туда, где меня должен был ждать Логан.

День в долине выдался солнечным и теплым. В сторону Лондона, Парижа и Рима летели пышные облака. На нашем месте я увидела ватагу ребят, там стоял шум и гам.

– Ну ты, городская девочка! – услышала я голос известного забияки Рэнди Марка.

Потом сообразила, что кричал он это испачканному в грязи парню, в котором я с изумлением узнала Логана! Все-таки добрались они до него, а Логан говорил, что этого не будет. Он катался по земле, сцепившись с другим парнем своего возраста. Рубашка на Логане была порвана, подбородок опух, волосы растрепались и свисали на лоб.

– Из Хевен Кастил растет такая же шлюха, как из ее сестры. Нам не дает, зато тебе дает!

– Врешь ты все! – закричал разъяренный Логан, покрасневший так, что, казалось, от него шел пар. Ему удалось захватить ногу соперника в болевом приеме. – Сейчас ты забереешь обратно все свои слова о Хевен! Это вообще самая достойная, самая приличная девочка из всех, кого я видел!

– Потому что ты не можешь отличить гнилого яблока от хорошего! – выкрикнул другой парень.

Кто все это заварил и что тут было сказано? Я осмотрела всех и увидела девочку из нашего класса, которая вечно посмеивалась над моей поношенной одеждой. Сейчас она злорадно улыбалась. Я подбежала к Тому. Он стоял, внутренне напрягшись и готовый ввязаться в драку.

– Том! – крикнула я. – Ты чего не поможешь Логану?!

– Помогу, если увижу, что он сам не справляется. Ему надо показать другим, что он умеет драться. Если я ввяжусь, Логана заклюют.

– Но местные ребята нечестно дерутся, сам знаешь!

– Не важно! Он должен привыкнуть к их повадкам. Иначе к нему все время будут приставать.

Фанни, вся в возбуждении, прыгала вокруг, словно Логан защищал ее честь, а не мою. Кейт деликатно отвел Нашу Джейн на качели и стал раскачивать девочку, чтобы она не видела, как достается ее другу. Именно об этом подумала я, прежде чем мое внимание вернулось к дерущимся.

Это было ужасно – стоять и смотреть, как ребята один за другим подлетают к Логану, не давая ему времени передохнуть. Вот он начал обмениваться ударами с новым парнем. Лицо Логана уже было все в крови, левый глаз заплыл. Я схватила Тома за руку, чуть не плача:

– Том, пора помочь ему!

– Нет... Погоди... Он и сам управляется.

Как он может говорить такое! Они же просто убивают Логана, а Том говорит «управляется»!

– Да что же это делается! – крикнула я, собираясь броситься Логану на помощь, но Том схватил меня и удержал.

– Не позорь ты его, не лезь! – сердито прошептал он. – Они уважают его за то, что он так дерется, что все-таки держится.

Я каждый раз съезживалась, когда Логану доставался очередной удар, и радостно вскрикивала, если его кулак достигал цели. Услышав мое восклицание, Логан бросил на меня быстрый взгляд и нанес сопернику еще один удар по корпусу, потом другой снизу в челюсть. Я дико завизжала от радости.

Вот оба дерущихся свалились на землю, Логан оказался наверху, подмяв парня, вскрикнувшего от боли.

– А ну, извиняйся... Бери назад свои слова о Хевен! – потребовал от него Логан.

– Она Кастил... а Кастилы есть Кастилы.

– Возьми свои слова назад, кому говорят, а то я тебе сейчас руку сломаю.

И Логан вывернул ему руку так, что мне стало страшно. Парень завыл от боли и стал просить пощады:

– Беру, беру назад!

– Извинись перед ней. Она здесь и все слышит.

– Ты не как твоя Фанни! – крикнул парень. – А уж из сестрички вырастет та еще потаскуха, весь город скажет.

Фанни подбежала и несколько раз стукнула его ногой – под хохот остальных ребят. После этого Логан отпустил руку парня, повернул его к себе и нанес ему сильный удар в челюсть. Парень потерял сознание, а остальные окружили его. Логан выпрямился и стал отряхивать одежду, поглядывая на своих врагов.

Даже смешно, с какой быстротой исчезла компания, и остались я, Том и Фанни. Кейт с Нашей Джейн продолжали развлекаться на качелях, так и не обратив внимания на драку. Том подбежал к Логану и похлопал его по спине:

– Ну ты молодец, да еще какой! Здорово ты дал крюка справа! Спружинил правой ногой и – раз! Я бы лучше не сумел.

– Спасибо тебе за уроки, – пробурчал Логан. Он еще не отошел от азарта драки и выглядел измотанным. – А теперь, если не возражаете, пойду в школу и немного умоюсь. Приди я в таком виде домой, мать упадет в обморок. – Он улыбнулся мне. – Хевен, погуляй пока тут, ладно? Я быстренько!

– Конечно. – Я оценила его подбитый глаз, шишки и синяки. – Спасибо, что защитил мою честь...

– Почему это твою? Он защищал честь всех нас, дурочка! – визгливо крикнула Фанни.

С этими словами она подбежала к Логану, обняла его и поцеловала прямо в распухшие губы.

Надо было бы это сделать мне.

Том схватил Фанни за руку, позвал Нашу Джейн и Кейта, и они пошли по тропе к дому, а Логан направился в школьный туалет.

Я осталась одна поджидать его. Потом села на качели, где только что качалась Наша Джейн. Я взлетала все выше и выше, отклоняя голову назад, доставая волосами чуть ли не до земли. Впервые после смерти бабушки мне было так хорошо. Я закрыла глаза и все раскачивалась и раскачивалась...

– Эй, там, на небе! Спускайся на землю, я провожу тебя, пока не стемнело. И поговорим.

Логан выглядел уже не таким грязным и побитым. Наконец я остановилась и слезла с качелей.

– Тебе не больно? – заботливо спросила я.

– Нет, не больно, – ответил Логан, взглянув на меня здоровым глазом. – А тебя это действительно беспокоит?

– Конечно беспокоит.

– Почему?

– Ну как почему?.. Не знаю. Может, потому, что ты назвал меня своей девушкой. Я ведь твоя девушка, Логан?

– Раз сказал, значит так и есть. Надеюсь, у тебя нет возражений.

Он взял меня за руку и повел по нашей горной извилистой тропинке. В Уиннерроу была одна главная улица, остальные ответвлялись от нее. И хотя школа располагалась в центре города, задами она выходила в горы. Вокруг Уиннерроу везде был Уиллис.

– Ты мне не ответила, – настойчиво напомнил мне Логан, когда мы шли уже минут пятнадцать молча, держась за руки и часто поглядывая друг на друга.

– А где ты был в выходные? – поинтересовалась я.

– Родителям захотелось взглянуть на колледж, в котором я буду учиться. Хотел предупредить тебя, но телефона у тебя нет, а прийти у меня не было времени.

Опять то же самое: его родители не хотят, чтобы он виделся со мной. Я повернулась к Логану и, обхватив его, прижалась лбом к грязной разорванной рубашке.

– Меня это ужасно радует – быть твоей девушкой, но я должна предупредить тебя, что не собираюсь выходить замуж, пока не реализую свой шанс самостоятельно встать на ноги в этой жизни. Я хочу, чтобы после моей смерти мое имя что-то значило.

– Стремись к бессмертию? – поддразнил меня Логан, прижимая к себе и пряча лицо в моих волосах.

– Вроде этого. Ты знаешь, Логан, к нам в класс приходил как-то психолог. Он говорил, что существует три типа людей. К первому относятся те, что служат другим. Ко второму – те, которые через своих детей служат людям. И третий, последний тип, – люди, не находящие удовлетворения до тех пор, пока не достигнут собственной цели благодаря таланту. Я – третий тип. Есть в этом мире специальная ниша для меня, для моего таланта. Но я не раскрою его, если выйду замуж в молодости.

Логан прокашлялся:

– Хевен, а тебе не кажется, что ты сильно забегаешь вперед? Я же не прошу тебя стать моей женой, а прошу быть моей девушкой.

Я резко отшатнулась от него:

– Так ты не собираешься когда-нибудь жениться на мне?

Логан беспомощно развел руками:

– Хевен, разве мы можем предсказать будущее и спрогнозировать, что мы будем представлять собой в двадцать, в двадцать пять, в тридцать лет? Прими то, что я предлагаю сейчас, а будущее предоставь ему самому.

– И что же ты предлагаешь сейчас? – подозрительно спросила я.

– Себя, свою дружбу. Право иногда целовать тебя, держать твою руку, гладить тебя по волосам, ходить с тобой в кино, интересоваться твоими мечтами, а ты – моими, подурачиться иногда и вообще вести жизнь, о которой приятно будет вспоминать.

Что ж, этого было достаточно.

Держась за руки, мы продолжили прогулку и в сумерках подошли к нашему прилепившемуся к склону горы домику, который внешне выглядел вполне прилично, так что здоровым глазом Логану было не разглядеть убожества нашей жизни. До тех пор, конечно, пока он не войдет внутрь.

Я повернулась к Логану и взяла его подбородок в ладони:

– Логан, это будет нормально, не как у Фанни, если я тебя поцелую разик – за исполнение желаний?

– Думаю, что перенесу.

Мои руки медленно скользнули дальше и обняли его за шею – до чего же страшным с такого расстояния выглядел его подбитый глаз, – я выпятила губы и поцеловала его и в глаз, и в раненую щеку, а потом в губы. Логан задрожал, я тоже.

Я боялась произнести слово, чтобы не спугнуть очарование момента.

– Спокойной ночи, Логан. До завтра.

– Спокойной ночи, Хевен, – произнес он шепотом, словно внезапно лишился голоса. – Это был прекрасный день, честное слово, прекрасный...

Я стояла и смотрела, пока Логан не скрылся из виду, растаяв в темноте, и вошла в дом. И сразу с небес вернулась на землю. Сара забросила все попытки поддерживать чистоту в доме и даже прекратила прибираться для виду. Питаться мы стали совсем плохо. Только хлеб с нашей традиционной подливкой, и никаких овощей, никакой зелени, а цыплята и свинина стали крайне редкими гостями на столе. О соленом беконе вообще оставалось только мечтать, но лучше было не расстраиваться. Огород за домом, который мы с бабушкой засеяли и полости, оказался запущенным. Овощи, что выросли, гнили на корню либо валялись на земле. Не коптели мы соленой свинины или сала, и нам нечего было положить в бобовый суп. Никакой капусты, шпината, репы. Отец вообще не приезжал и ничего не привозил. Наша Джейн капризничала, отказывалась от еды, а когда ела, ее тошнило. Кейт все время плакал, потому что был вечно голоден, а Фанни по-прежнему ничего не делала, только ныла.

– Тут надо что-то делать! – громко заявила я. – Фанни, ну-ка к роднику, за водой, принесешь ведро – только полное, не на дне, как ты обычно делаешь по своей лени. Том, сходи на огород, собери там что можно. Наша Джейн, хватит плакать! Кейт, развлекай ее чем-нибудь, чтобы она успокоилась.

– Раскомандовалась! – в своей визгливой манере стала протестовать Фанни. – Так я тебя и послушалась! Раз из-за тебя кто-то подрался, так теперь будешь строить из себя королеву гор?

– А ты делай что сказано и слушайся Хевен! – Том подтолкнул Фанни к двери. – Давай к роднику и принеси воды, полное ведро.

– Но там темно! – заплакала Фанни. – Ты же знаешь, я боюсь темноты!

– О'кей, воды принесу я, а ты собирай овощей. И хватит болтать, делай что говорят... Иначе я превращусь в короля гор и так тебе надаю, что запомнишь!

Ночью, лежа в темноте на своем тюфяке, Том прошептал мне с состраданием:

– Хевен, я нутром чувствую, что все это пройдет. Мама снова начнет готовить хорошую еду, будет убираться в доме, и тебе не придется столько работать. Папа подлечится и вернется домой здоровым и подобрешим. Потом мы вырастем, окончим школу и поступим в колледж. Будем зарабатывать мешки денег, ездить в огромных машинах, жить в шикарных домах, с прислугой, и мы будем сидеть и с улыбкой вспоминать, как нам было трудно, и забудем о том, что это пошло нам на пользу, сделало решительными, трудолюбивыми, получше тех ребят, кому все достается легко. И мисс Дил так говорит, кстати. Из самого плохого часто вырастает самое хорошее.

– Ты за меня не переживай. Я знаю, когда-нибудь все образуется, – промолвила я, смахнув слезу.

Том подобрался ко мне поближе и лег рядом. От его молодых сильных рук исходило тепло и уверенность.

– Я могу разыскать папу, а ты поговори с мамой.

– Мама, – обратилась я к Саре на следующий же вечер, надеясь вначале развеять ее настроение отвлеченной беседой, а затем перейти к серьезным вещам. – Ты знаешь, несколько часов назад я думала, что влюбилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.